

Виктор Алеветдинов

КЛЯТВА АРТЕКСИЛА

Пять ключей Корселуна

Книга 4

КОСМИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Виктор Алеветдинов

**Книга 4. Пять ключей
Корселуна. Клятва Артексила**

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Книга 4. Пять ключей Корселуна. Клятва Артексила /
В. Алеветдинов — «Автор», 2026

После событий на Мальзаара Ария Синен привозит на Омбрис доказательства, которые могут изменить судьбу всей Дуги. Но переговоры о союзе срываются почти сразу: гиперкольца закрываются без приказа, древние маяки теряют память, а старые долги миров возвращаются голосами погибших. Чтобы найти путь к Порогу, Арии, Дариусу, Лейле, Лире, Рену, Солару и Сабаинару придётся заключить невозможный союз между теми, кто годами не доверял друг другу. Четвёртый ключ требует не власти, а клятвы. И цена этой клятвы может оказаться страшнее смерти: память, право говорить от имени своих, любовь, свобода или сама жизнь. «Клятва Артексила» — роман о доверии на краю катастрофы, о цене спасения и о мире Корселуна, где древние ключи открывают не только дороги между звёздами, но и правду о тех, кто решается идти дальше.

© Алеветдинов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Союз невозможных	5
Глава 1. Узел, который перестал быть нейтральным	5
Глава 2. Пять делегаций и шесть тайных приказов	10
Глава 3. Лейла выпускает правду по каплям	15
Глава 4. Суд вместо союза	20
Глава 5. Белая мера	25
Глава 6. Цена нейтрального коридора	31
Глава 7. Нападение без выстрелов	36
Глава 8. Союз невозможных	41
Часть II. Цена доверия	47
Глава 9. Условие, о котором молчали	47
Глава 10. Память как залог	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Виктор Алеветдинов

Книга 4. Пять ключей

Корселуна. Клятва Артексила

Часть I. Союз невозможных

Глава 1. Узел, который перестал быть нейтральным

Омбрис встретил Арию очередь у стыковочного шлюза. Люди стояли с багажом, аварийными масками и переносными ящиками. За прозрачной стеной висело гиперкольцо Ведарского рукава. Оно ещё светилось голубым ободом, но по краю ползла серая полоса, и диспетчеры за стеклом говорили быстрее, чем успевали переключать каналы.

Ария держала плоский контейнер с мальзаарскими доказательствами. Он был лёгким, зато кисть от него болела, будто внутри лежал не архив, а кусок чужой вины. После Мальзаара она знала: опасность редко занимает много места. Иногда её хватает на одну строку или знак, который каждая фракция хочет назвать своим.

— Домовая наследница Синен, дипломатический допуск, уровень ядра, — произнёс пограничный автомат. — Уточните статус владельца сопровождения.

— У неё нет владельца сопровождения, — сказал Дариус.

Он стоял чуть сзади, не перекрывая ей проход и одновременно закрывая левую сторону. На плече у него не было парадного знака Люмира, только серая служебная планка узлового флота.

— Уточните статус: наследница, свидетель, обвиняемая, носитель доступа или частное лицо.

— Напишите: человек с контейнером, — сказала Ария. — И пропустите нас, пока ваше кольцо не решило закрыться вместе с нами.

Турникет открылся с задержкой. Омбрис пропустил их так, словно сам сомневался, стоит ли впускать проблему внутрь.

Главный док был забит до верхних рельсов. На щите мигала фраза: «Омбрис — нейтральный узел для всех маршрутов Дуги». Под щитом двое вооружённых людей без нашивок делили очередь в кислородный пункт на своих и остальных.

— Нейтральный узел, — сказал Дариус. — Отличная вывеска. Её надо сдавать в аренду, пока всё остальное занято.

— Воздух подорожал, — сказала Лейла Гран, появляясь из бокового прохода с регистратором на ремне. — Пятнадцать минут чистого дыхания стоят дороже ужина в люмирском посольстве. Я проверяла не потому, что голодная. Журналистика требует жертв.

Док содрогнулся. У ближайшего торговца с полки съехали маски. Мужчина поймал две, третья упала на пол, и он тут же поднял табличку с новой ценой. Очередь возмущённо загудела.

— Внимание, стыковочный сектор двенадцать, — объявил общий канал. — Делегации Люмира пройти в синий коридор. Ардин следует через нижний допуск. Вейран использует коммерческий шлюз четыре. Орден Белой Зари направляется по белому маршруту. Свободные кланы Воруса проходят через нижнее кольцо.

— Красиво разложили, — сказала Лейла. — Под одним куполом, но так, чтобы никто никого случайно не увидел и не передумал ненавидеть.

— Это не переговоры, — ответил Дариус. — Это склад боеприпасов, где все попросили отдельную полку.

Ария пошла к переговорному ядру. Люди узнавали знак Синен на контейнере, замечали её лицо и смотрели дольше, чем позволяла вежливость. После Мальзаара одни каналы называли её шансом Дуги, другие — будущей хозяйкой Корселуна. Третьи писали проще: «Если она ошибётся, погибнем мы».

У лифта стояли люмирские силовики. Они сняли гербы, но одинаковые серые перчатки выдавали их лучше любой нашивки. С другой стороны подошёл Ардин. Рен Лиран остановился напротив люмирской линии, и между людьми выросла тишина.

— Ария Синен, — сказал Рен. — Ты пришла говорить о союзе или о новом праве своего Дома?

— Я пришла с доказательствами, что без союза Порог нельзя даже искать.

— Доказательства часто служат тому, кто первым поставил на них печать.

Ардинцы за его спиной сдвинулись ближе. Люмирские силовики ответили тем же движением.

— Тогда печать будет общей, — сказала Ария. — Или её не будет.

Из коммерческого шлюза вышли вейранцы. В центре шёл Солар Иксон в тёмном костюме, будто прибыл не на узел перед катастрофой, а на закрытый аукцион.

— Приятно видеть, что Омбрис соблюдает нейтралитет, — сказал Солар. — Каждая сторона недовольна одинаково.

— Вейран нашёл способ продать даже недовольство? — спросила Лейла.

— Мы предпочитаем слово «оценить». Продажа требует согласия покупателя.

Двери белого маршрута открылись бесшумно. Лира Вехн заметила Арию и слегка наклонила голову, но старший хранитель рядом сказал что-то негромко, и она остановилась. Орден ставил границы, хотя переговоры ещё не начались.

Нижний переход дрогнул под шагами людей свободных кланов. На их плащах были нашиты маршруты Воруca. Один клановый старший задержался у кислородного пункта и молча положил на стойку резной жетон. Торговец хотел назвать цену, но передумал и отдал две маски детям из очереди.

— Вот это дипломатия, — сказала Лейла. — Без протокола, зато с результатом.

Лейла перестала улыбаться и подняла регистратор, но не включила запись.

— Ты правда собиралась начать с речи о спасении миров?

Ария не ответила. В контейнере лежал мальзаарский фрагмент, где шифр показывал простую вещь: Порог Синена нельзя открыть властью одного Дома, флотом одной Федерации или контрактом одного Консорциума. После третьего ключа это стало фактом.

— Нет, — сказала Ария. — Начну не с речи.

— А с чего?

Общий канал щёлкнул. Голос диспетчера держался спокойно первые несколько слов, потом в нём появилась спешка.

— Вударский рукав, судно «Элион-Рах», подтвердите маяк. Повторяю, подтвердите маяк. У вас расхождение по оси стыковки.

На внешнем экране линия маршрута сместилась в сторону и погасла. Стыковочные захваты вытянулись к судну, но корабль шёл неровно. Он был пассажирским, старым, с ремонтными пластинами на корпусе.

— Сколько там? — спросила Ария.

Дариус посмотрел в служебный канал на браслете.

— По заявке сто восемьдесят шесть. По факту может быть больше. При закрывающихся маршрутах редко летят по заявке.

— Диспетчерская, это Ария Синен. Дайте мне прямой канал к стыковочному сектору.

Офицер Омбриса у лифта побледнел.

— У вас нет полномочий узла.

— Тогда найдите того, у кого они есть, и объясните ему, почему он тратит время на форму допуска.

Солар поднял руку с вейранским браслетом.

— У нас есть аварийный пакет для стыковочных манёвров. Коммерческий, но рабочий.

— Сколько стоит? — спросила Лейла.

— Сейчас нисколько. Позже вы всё равно спросите, почему я предложил помощь, и я не хочу портить красивую версию.

Дариус взял управление голосом.

— Сектор двенадцать, говорит генерал Харран. Передайте вейранский пакет на внешний контур без доступа к ядру узла. Люмирские буксиры в готовность. Ардинским проводникам открыть пепельный коридор, если их пилоты здесь.

— Наши пилоты здесь, — сказал Рен. — И они не будут слушать люмирский приказ.

— Тогда пусть слушают людей на том судне. Им всё равно, какой герб спасёт им стыковку.

Рен сжал челюсть, потом обернулся к своим. Из ардинской группы выбежала женщина с планшетом и отправила данные через открытый канал. Ария увидела это и впервые за день позволила себе подумать, что невозможный союз начинается не с подписей. Он начинается с маршрута, который отправляют вчерашнему врагу.

Судно за стеклом дёрнулось. Один захват поймал корпус и отпустил, чтобы не разорвать пластину. В доке вскрикнули. Торговец у кислородного пункта перестал менять ценники.

— Маяк Ведарского рукава не отвечает, — сообщил диспетчер. — Резервный канал пустой. Запрашиваю подтверждение от кольцевой станции.

В ответ пришёл шум. Ария почувствовала его кожей раньше, чем услышала. В памяти вспыхнул Карасс: дыхание, обрыв фразы, просьба назвать имя ребёнка. Она стиснула контейнер и заставила себя смотреть на судно.

Лира подошла, хотя старший хранитель Ордена остался у белого маршрута.

— Это не технический отказ, — сказала Лира. — В кольце пропал отклик тока.

— Простыми словами, — попросила Лейла.

— Маяк есть, но он перестал помнить, куда ведёт.

Лейла медленно опустила регистратор.

— Ненавижу, когда простые слова хуже сложных.

Ария подняла руку к контейнеру. Мальзаарский фрагмент внутри откликнулся слабым теплом. Он не обещал решения, только подтверждал: сбой связан с тем же шифром, который привёл их на Омбрис. Порог не ждал, пока делегации договорятся о порядке выступлений.

— Если маяк потерял память, можно дать ему временную связку? — спросила Ария.

— Можно попробовать. Источник должен быть признан кольцом. Нужен голос узла или старый протокол.

Дариус посмотрел на неё.

— Нет.

— Ты ещё не знаешь, что я предложу.

— Я знаю твоё лицо, когда ты собираешься стать аварийным инструментом.

Ария не стала спорить. За стеклом старое судно пыталось не удариться боком о причальную ферму. На экране бежали цифры кислорода и перегрева. За ними были люди, которые не выбирали Порог и не спорили о Своде.

— Я не буду входить в кольцо. — Мне нужен только канал.

Лира открыла аварийную панель. Солар передал пакет без задержки на подтверждение прав. Рен отправил своих пилотов к боковому терминалу. Лейла включила запись, но направила камеру не на Арию, а на экран.

Ария поставила контейнер на панель. Замки открылись один за другим. Внутри лежала пластина чёрного стекла со знаками, которые нельзя было назвать буквами. На Мальзаара этот шифр чуть не стал оружием Вейрана. Теперь он должен был стать временным маяком.

— Говори только своё имя, — предупредила Лира. — Без титула.

— Ария Тадрин или Ария Целестина?

Лира не ответила. Солар поднял бровь. Рен усмехнулся с горечью.

— Вот и весь ваш Корселун. Даже спасение начинается с вопроса, как тебя записали.

Ария положила ладонь на пластину. Стекло было тёплым, живым. В голове шевельнулся Голос Карасса, но она не дала ему развернуться.

— Ария. — Этого достаточно.

Пластина засветилась. На общем экране появилась новая метка, слабая рядом с красными знаками, но стыковочные захваты изменили угол. Люмирские буксиры дали малую тягу. Ардинская проводница вывела пепельный обход, которого не было в официальных картах. Вейранский пакет просчитал боковое вращение. Орденский контур удержал памятный откат.

Судно ударилось о мягкий захват. Второй захват поймал корму. Третий закрылся с таким скрежетом, что у многих в доке заболели зубы. Зато корабль остановился. Красные огни на борту сменились оранжевыми. Это ещё не было спасением, только шансом открыть люк.

В доке никто не заплотировал. Люди устали и быстро поняли, что один корабль уцелел не потому, что система работает.

Аварийный трап выдвинулся. Из судна пошли пассажиры. Пожилая женщина с кислородной маской прижимала к груди пустой переносной аквариум, в котором плавал один светящийся лист. Молодой техник пытался шутить с медиком и повторял, что поставил бы стыковке четыре балла из десяти. Медик не смеялся, но уголок её рта дрогнул.

Ария убрала ладонь с пластины. Пальцы покалывало. В памяти осталось чужое слово: «Ведар». Она не знала, кому принадлежал этот голос. Возможно, маяку. Возможно, человеку, который последним проверял его до срыва.

— Откат? — спросил Дариус.

— Небольшой.

— Это медицинское слово или твоё любимое «я потом разберусь»?

— Второе.

— Так и думал.

Лейла подошла ближе, но не сунула регистратор в лицо.

— Запись пойдёт в эфир?

— Не вся. Покажу стыковку и общий контур. Твою пластину размою.

— Не надо. Если размоешь, скажут, что я прячу власть. Если покажешь, скажут, что я её демонстрирую. Выбери вариант, где меньше лжи.

Рен подошёл к ним, не отводя взгляда от пассажиров.

— Ардин потребует запись контура и список тех, кто был на борту.

— Зачем?

— Чтобы их не превратили в удобную картинку о спасении Омбриса. У каждого есть имя. Даже у мальчика с котелком.

Ария кивнула. Это была жёсткая просьба, но правильная.

Со стороны белого маршрута подошёл старший хранитель Ордена.

— Вы использовали мальзаарский шифр в открытом узле без согласования с мерой Ордена.

— Судно не могло ждать вашей меры.

— Равновесие не ускоряется от страха.

— Люди умирают быстрее, чем равновесие заполняет протокол.

Хранитель посмотрел на пассажиров, которые ещё выходили из судна.

— Сегодня вам повезло, что шифр принял только имя.

— Нет, — сказала Ария. — Сегодня нам повезло, что все остальные на минуту забыли о праве собственности на спасение.

Ария поднялась. Переговорная речь, которую она готовила на корабле, стала окончательно бесполезной. Внизу стояли люди из Ведарского рукава. Они не были частью плана, но стали его началом.

— Переносим вступительное заседание в аварийный зал дока, — сказала Ария.

— Делегации возненавидят это решение. Там нет протокольных мест.

— Отлично. Никто не сядет выше остальных.

— Это будет выглядеть хаотично, — сказала Лейла.

— Оно и есть хаотично.

Ария взяла контейнер. Пальцы ещё помнили тепло пластины. Кольца закрывались раньше речей.

В переходе над ними мигнул свет. На общем канале появилась новая схема Ведарского рукава. Там, где должна была гореть цепочка маяков, один за другим гасли белые узлы. Диспетчерская пыталась вернуть связь, но ответы приходили с запозданием или не приходили совсем. Толпа в доке снова зашумела, не от любопытства.

Ария остановилась у входа в аварийный зал. Разговоры за её спиной стихли не сразу, а волной. Дариус поднял глаза к экрану. Лейла включила запись. Рен сжал знак возвращённого имени. Солар перестал улыбаться. Лира прижала ладонь к белой манжете Ордена, словно проверяла пульс тока.

Диспетчерский канал прорвался сквозь шум, и теперь голос в нём не пытался быть спокойным.

— Кольцо закрывается без приказа.

Глава 2. Пять делегаций и шесть тайных приказов

Дариус считал переговоры не по числу кресел, а по выходам, слепым углам и людям, которые уверенно держали руки свободными. После сбоя Ведарского рукава Омбрис больше не выглядел нейтральным: в аварийном зале пахло нагретым металлом, лекарством из медпункта и кислородом, который торговцы называли «кризисным».

На большом экране висела схема закрывающегося кольца. Белые точки маяков гасли с задержкой, и у Дариуса было неприятное чувство: так уходили не приборы, а привычная карта Дуги. Если сейчас сорвётся ещё один рукав, переговоры начнутся не с общего стола, а с драки за маршруты.

— Синий сектор закрыть, — сказал он в браслет. — Пассажиров с «Элион-Раха» — в нижний медицинский рукав. Делегации не смешивать без свидетелей. И уберите продавцов от кислородного пункта, пока я не решил, что спекуляция в аварийном узле является формой саботажа.

— Формально не является, генерал, — ответил младший офицер.

— Значит, оформите. У Люмира должно быть какое-нибудь чудо на случай, когда человеку надо запретить быть сволочью.

Офицер отключился. Дариус посмотрел на Арию: она стояла у стола аварийного совета и говорила с диспетчером Омбриса. Контейнер с мальзаарской пластиной лежал рядом, но она больше не касалась его.

Он хотел подойти и спросить, сколько она потеряла на этот раз: минуту, голос, воспоминание, кусок сна. Но вокруг было много глаз.

В зал вошли силовики Люмира. Они двигались парами, без парадных нашивок, но с одинаковой точностью. Дариус заметил троих, которых не назначал. Этих людей прислали не только защищать переговоры. Они должны были смотреть за теми, кого флот вроде бы защищал.

— Генерал Харран.

Мундир на ней был без лишней отделки, но люди всё равно обернулись. Сайра умела входить в помещение и забирать из него лишний шум.

— Адмирал, — сказал Дариус.

— Хорошее начало союза. Одно кольцо закрыто, одно пассажирское судно едва не размазало по доку, Ария Синен использовала мальзаарский шифр в открытом контуре. Ваш отчёт будет коротким или честным?

— Если хотите короткий, напишите сами. Если хотите честный, придётся оставить место для слова «бардак».

— На Омбрисе сегодня многое не понравится, — сказала Сайра и посмотрела в сторону Арии. — Она быстро учится занимать центр.

— Центр был пуст. Остальные торговались за стулья.

— Вы ещё умеете защищать её так, будто это не защита.

— Я защищаю переговоры.

— Конечно.

Сайра подала ему узкую пластину с чёрной полосой допуска. Дариус не взял её. Он знал такой формат: закрытый приказ без общей регистрации, с личной ответственностью получателя. Такие документы не любят свидетелей и очень любят потом пропадать из архивов.

— Здесь? — спросил он.

— Здесь. И сейчас.

Дариус приложил палец к пластине. Текст раскрылся только для него. Первые строки были обычной служебной шапкой, дальше пошёл приказ: при угрозе самостоятельной акти-

вазии четвёртого ключа без федерального мандата носительницу доступа Арию Целестину Синен изолировать от артефактов, голоссетевых контуров и переговорного ядра. Применение силы допусклось в минимальном объёме. Исполнителем назначался генерал Дариус Харран.

Он перечитал последнюю строку. Люмира всегда умела класть нож так, чтобы рукоять оказывалась в твоей ладони.

— Вы называете это мандатом? — спросил он.

— Это мера сдерживания.

— Сдерживания кого? Арии или паники в комитете?

— Оба варианта могут убить много людей.

— Она только что вытащила пассажирское судно.

— Она использовала шифр Мальзаара в узле, где сидят Вейран, Ардин, Орден и свободные кланы. Вейран назовёт это техническим прецедентом. Ардин скажет, что Синен снова решает за миры. А завтра новое закрытие кольца поставит нас перед вопросом: почему мы не заставили её сделать это снова.

Дариус не ответил. Сайра не говорила глупостей, и от этого приказ становился хуже. В нём была логика.

— Вы хотите, чтобы я арестовал её до поступка.

— Я хочу, чтобы вы были готовы.

— Это разные фразы для одного наручника.

Сайра приблизилась на шаг. Разговор стал тише, но не мягче.

— Дариус, если она откроет четвёртый ключ одна, союз не родится. Родится новый страх.

— Понимаю. Но приказ написан так, будто доверие можно заменить изоляцией.

— Доверие? Здесь? Посмотрите вокруг.

Люмир ставил рамки у входов. Ардинцы проверяли нижний проход и не поворачивались к люмирцам спиной. Вейранские техники пытались подключиться к аварийной схеме Омбриса под видом помощи.

— Именно поэтому нельзя начинать союз с приказа об изоляции единственного человека, которого все и так боятся, — сказал Дариус.

— Приказ существует.

— Приказы тоже болят. Особенно когда их пишут в страхе.

Сайра убрала пластину, но копия легла в его браслет. Так работала ловушка: ты мог не соглашаться, но знал.

— Я ожидаю, что вы выполните его при необходимости.

— Я ожидаю, что необходимости не будет.

— Это не ответ генерала.

— Зато честный.

Сайра чуть склонила голову. Когда-то это могло бы быть улыбкой, теперь стало отметкой в личном протоколе.

— Проверьте внешнюю охрану. Нейтральные маяки дают сбой. Омбрис утверждает, что это перегрузка.

— А вы?

— Перегрузка редко выбирает удобный момент для всех заговорщиков.

В этом Дариус был с ней согласен. Он вышел из аварийного зала через служебный проход. Двое люмирских силовиков пошли следом, но он остановился у поворота.

— Мне нужен контур, а не хвост. На пост.

Они ушли без спора. Хорошие солдаты. Хорошие для нейтрального узла.

Служебный лифт поднял Дариуса к обзорному поясу. Отсюда Омбрис выглядел большим узлом, вокруг которого спутались чужие нервы. Кольца дальних маршрутов горели за бронестеклом, между ними висели корабли делегаций.

— Генерал, внешняя схема готова, — сказал оператор.

На стол легла карта охраны. Маяки вспыхивали зелёным, пока система подтверждала коды. Четыре точки в нижнем секторе мигнули жёлтым.

— Почему эти нейтральные маяки переписаны?

— Техническая замена после аварии.

— Кем подписана?

— Омбрисским диспетчерским ядром.

— Покажите подпись.

Подпись появилась: узловой допуск, время, аварийный статус, внутренний ключ Омбриса. Дариус увеличил нижнюю строку. Код был гладким. Настоящие аварийные подписи всегда кривые: один техник забывает метку, второй ставит ручное подтверждение, третий оставляет злой комментарий.

— Запросите старый лог маяка.

— Доступ закрыт.

— Кем?

Оператор нажал ещё раз и побледнел.

— Узел отвечает: «контур не принадлежит Омбрису».

— Замечательно. Нейтральный маяк на нейтральном узле стал сиротой. Отправьте флотский зонд. Без активного сканера.

Зонд ушёл в холодный дрейф. На карте он был едва заметной точкой. Ария стала опасной не потому, что носила имя Синен. Она научилась задавать правильный вопрос тогда, когда остальные спорили о флагах.

Связь щёлкнула.

— Генерал, Ария Синен запрашивает вас на третий переговорный переход.

— Она одна?

— С ней Лейла Тран. Ещё один представитель Ардина спорит с дверью. Пока дверь держится.

— Двери на Омбрисе опытные. Иду.

Он спустился пешком. В коридорах сменили разметку: люмирская линия шла по центру, ардинскую оттеснили к стене, вейранская проходила ближе к сервисным люкам. Даже краска умела показать, кто привык торговаться за лучшие места.

Ария ждала у закрытого шлюза. Лейла стояла рядом и снимала не её, а табличку на двери: «Доступ временно ограничен в интересах безопасности».

— Чудесная фраза, — сказала Лейла. — Её можно повесить на половину преступлений Дуги, и никто не заметит подмены.

— Что случилось? — спросил Дариус.

— Омбрис закрыл проход к архиву стыковки, — сказала Ария. — Мне нужно посмотреть первичный отклик маяка.

— Тебе или мальзаарской пластине?

— Мне. Пластину я не возьму без общего допуска.

Это прозвучало специально для него. Она поняла, что вокруг меняется порядок охраны.

— Кто запросил закрытие? — спросил Дариус.

Лейла ткнула пальцем в экран рядом с дверью.

— Система пишет: «временное ограничение по инициативе силового контура». На языке людей это значит: ваши ребята закрыли дверь, а Омбрис сделал вид, что сам придумал.

Дариус приложил браслет к панели. Запрос открылся и тут же показал чужую метку: люмирский контур, но не его подпись.

— Это не мой приказ.

— Я знаю, — сказала Ария. — Поэтому и позвала тебя.

- Отойдите от двери.
- Ты её откроешь?
- Сначала спрошу вежливо.

Он ввёл команду. Панель отказала. Тогда Дариус ввёл вторую, без вежливости. Дверь подумала и открылась.

Лейла заглянула внутрь.

- Люблю военную дипломатию. Мало слов, зато двери быстро взрослеют.

Архив стыковки оказался маленькой комнатой с четырьмя терминалами и серым столом. На одном экране застыла запись судна «Элион-Рах». Дариус поставил блокировку на вход, чтобы разговор не ушёл в общий канал.

Ария подошла к терминалу. Он хотел сказать ей, чтобы не касалась, но вовремя остановился. Приказ Сайры сидел в голове чужим датчиком. Дариус не хотел, чтобы он начал говорить его голосом.

- Я знаю, что Люмира готовит мандат, — сказала Ария, не оборачиваясь.

Дариус молчал меньше секунды, но для неё этого хватило.

- Не готовит? — спросила она.

— Прислала.

Лейла перестала улыбаться.

— Дайте угадаю. «Для всеобщего блага посадить Арию в красивую коробку и кормить через юридическую щель».

Дариус промолчал.

Ария повернулась. Она не выглядела удивлённой, и это было хуже.

— Если я попробую активировать четвёртый ключ без федерального мандата, меня надо изолировать?

— Да.

— Кто исполнитель?

— Я.

Лейла выругалась коротко и очень по-ардински, хотя ардинских корней у неё не было. Ария посмотрела не на Дариуса, а на закрытую дверь. За ней шёл шум Омбриса: шаги, команды, далёкий плач ребёнка, чей маршрут исчез с карты.

— Ты выполнишь? — спросила она.

— Если ты станешь угрозой для людей, я остановлю тебя.

— Это не ответ на приказ.

— Это мой ответ.

— Дариус.

В его имени не было упрёка, и от этого стало труднее.

— Я не дам им использовать меня как замок на твоей двери. — Но я и не буду делать вид, что ты не можешь ошибиться.

Она кивнула очень спокойно. Спокойно для человека, которому только что сказали, что близкий может стать её конвоем.

— Тогда не прикрывай меня от правды.

— Я не понял.

— Если маяки ведут к Синену, скажи. Если шифр реагирует на меня опасно, скажи. Если я начну звучать как человек, который считает себя единственным выходом, скажи раньше, чем это заметят враги. Не защищай меня красивой ложью. Даже если правда заденет нас.

Лейла отвела взгляд к экрану, давая им то небольшое личное пространство, которое возможно в комнате с четырьмя терминалами и одной катастрофой за стеной.

— Ты просишь меня быть против тебя? — спросил Дариус.

— Я прошу быть рядом не только тогда, когда это удобно.

- У тебя отвратительный талант превращать простую просьбу в военную операцию.
- У тебя талант делать вид, что любая боль решается картой и постами охраны.
- Неправда. Иногда ещё плохим кофе.

Она впервые за день улыбнулась. Улыбка вышла короткой и усталой.

- Вот это и скажи, если начну становиться хозяйкой Корселуна.

— Что именно? Про кофе?

- Что я снова усложняю простую просьбу.

— Договорились.

Сигнал с терминала пискнул. Запись первичного отклика открылась. На экране появилось кольцо Вударского рукава за двадцать семь секунд до сбоя. Маяк должен был передавать обычный навигационный пакет. Вместо него в архиве мелькнула строка, которую система пыталась скрыть за помехами.

— Останови, — сказала Ария.

Дариус заморозил кадр. Строка распалась на знаки, потом собралась снова. Это был не мальзаарский шифр, не люмирский код и не вейранская упаковка данных. Старый рисунок, чистая петля в конце.

— Я не специалист, — сказала Лейла, — но у меня плохое чувство. Обычно оно приходит раньше официального комментария.

Дариус отправил фрагмент в закрытый анализатор. Ответ пришёл быстро, и именно это ему не понравилось. Система не искала совпадение. Она узнала знак.

На экране вспыхнула синенская печать.

Несколько секунд никто не говорил. За дверью Омбрис шумел, делегации спорили, Люмира ставила контуры безопасности, Вейран наверняка считал выгоду, Ардин готовил обвинения, Орден собирался молчать до последнего. А в маленькой архивной комнате нейтрального узла лежал ответ, который не должен был существовать.

Дариус посмотрел на Арию и впервые за день почувствовал не тревогу за неё, а ясность будущего разлома. Если печать настоящая, все решат, что Дом Синен тронул Омбрис. Если поддельная, значит, противник знает, какой страх надо нажать первым.

Ария медленно выпрямилась.

— Дом Синен не имеет доступа к маякам Омбриса.

Дариус сохранил фрагмент в три независимых хранилища и снял блокировку двери.

— Теперь придётся доказать это быстрее, чем остальные решат обратное.

Глава 3. Лейла выпускает правду по каплям

Лейла Тран заняла самый неудобный стол в пресс-капсуле Омбриса: оттуда было видно два выхода и аварийный экран. Стол шатался, кресло скрипело, автомат вместо кофе выдал серую жидкость с названием «бодрящий концентрат».

На экране висела запись с маяка Ведарского рукава. Синенская печать вспыхивала на долю секунды и тонула в шуме. Дариус сохранил фрагмент в закрытых хранилищах, Ария ушла на аварийное заседание, а Лейле достался худший вариант работы: знать достаточно, чтобы испугаться, но не иметь права сказать всё.

Официальный люмирский канал называл закрытие кольца «локальным сбоем навигационного отклика». Вейранские комментаторы говорили о независимой экспертизе. Ардинские каналы не сомневались: «Синен вернулся к узлам. Люмира прикрывает наследницу».

— Быстро работают, — сказала Лейла регистратору. — Я ещё кофе не успела отравиться, а они нашли виновных.

В нижнем углу экрана открылся защищённый пакет. Метка была знакомая: карассовы мёртвые каналы. Пакет пришёл без отправителя, но с личным ключом Лейлы. Такие подарки обычно оставляли люди, которые боялись говорить вслух или не могли.

Она закрыла дверь капсулы, поставила шумовой фильтр и запустила запись. Сначала пошёл памятный шум. Потом в нём появились голоса. Голоса повторяли даты и обрывки последних сообщений.

— Семнадцатый день белого спада. Маяк не отвечает. Кольцо держит форму, но не помнит маршрут.

Лейла остановила запись. Записала дату. Запустила следующий фрагмент.

— Двадцать третий день белого спада. Ведарский рукав требует ручного подтверждения. Отклик идёт с задержкой.

Она выпрямилась. Ведарский рукав прозвучал в старом карассовом канале. Метка времени прыгала, но не так, как у грубой подделки. Много мелких ошибок, чтобы быть чистым монтажом. Удобное совпадение, чтобы поверить в случайность.

Третий голос говорил тише.

— Не открывайте один ключ против другого. Кольца не любят, когда долг называют расчётом.

— Спасибо, — сказала Лейла экрану. — Как инструкция Ордена, только без белых рукавов.

Она сохранила фрагменты в два архива: рабочий и тот, о котором редакция не знала. Потом открыла карту закрывшихся маршрутов. После Ведара на ней появилось ещё три сбоя. Последний пункт, возле клановой зоны Воруса, быстро исчез из общего слоя карты.

Лейла вернула его из кэша. Название мира мигнуло и снова пропало.

— Вот так. — Само себя стёрло. Милый Омбрис. Даже ложь у вас проходит через канцелярию.

В дверь постучали. Вежливо. Всегда это означало угрозу с хорошим бюджетом.

— Открыто, если вы не с кофе, — сказала Лейла. — Если с кофе, сначала докажите, что он не омбрисский.

В капсулу вошёл вейранский представитель, молодой, гладко одетый и спокойный для станции, где только что закрылась часть Дуги. Лейла видела его рядом с Соларом Иксоном. Кажется, Нарв Элс.

— Лейла Тран. Консорциум ценит вашу скорость.

— Обычно после этой фразы мне предлагают либо деньги, либо повод вызвать охрану.

— Мы предлагаем доступ.

— Это хуже. Доступ потом приходится отрабатывать совестью.
Нарв улыбнулся так, словно эту реплику занёс в отчёт.

— У нас есть эксперты по маячным срывам и голоссетевым искажениям. Мы готовы дать вам закрытую консультацию без фильтра Люмира.

— Как щедро. А взамен?

— Точность. Паника разрушит маршруты быстрее технического сбоя.

Он положил на стол карту. На ней закрытие Вударского рукава было обозначено как «единичный отказ с наследственным фактором риска».

— Наследственный фактор — это вы так Арию назвали?

— Рабочий термин. Если древний синенский доступ проявляется в нейтральном узле, публика должна знать, что проблема не только в технике.

— Публика должна знать правду, а не красиво упакованное обвинение.

— Правда без структуры становится шумом.

— А структура с вашим логотипом становится рекламой.

— Мы можем дать вам эксклюзивный разбор. Вы сохраните независимый тон. Поможете людям понять, что неконтролируемый доступ опасен.

— Неконтролируемый кем?

Он задержался на полсекунды.

— Общей комиссией.

— В которой Вейран случайно предоставит приборы, экспертов и счёт?

— Приборы лучше слухов.

— Иногда прибор вежливее врёт.

Она вернула ему карту.

— Передайте Солару: если он хочет говорить со мной, пусть приходит сам. У посредников улыбка быстро стирается.

Нарв взял карту, но уходить не спешил.

— Вы рискуете стать рупором Арии Синен.

Лейла закрыла карасовы фрагменты одним движением.

— А вы рискуете выйти отсюда с прекрасным материалом о вейранской заботе. Хотите проверить, как быстро я пишу?

На этот раз улыбка у него стала беднее. Он поклонился незаметно и вышел. Лейла подождала две секунды и проверила помещение. Под столом нашёлся маленький слушатель, замаскированный под крепёж.

— Нарв, Нарв, — сказала она, выковыривая устройство ножом для упаковок. — Крепёж не моргает, когда его ругают.

Она бросила слушатель в стакан с бодрящим концентратом. Прибор пискнул и умер.

Следующий вызов пришёл по открытому ардинскому каналу. На экране появилась женщина с выбритым виском и знаком возвращённого имени на куртке. Лейла узнала Мирса Танна у края кадра.

— Лейла Тран, — сказала женщина. — Вы получили данные о синенской печати на маяке?

— Доброе утро тоже неплохое начало разговора.

— Доброе утро было до закрытия кольца. Теперь нам нужен прямой эфир.

— Вам нужен или Ардину?

— Мирами опять управляют за закрытыми дверями. Люмира прячет сбой, Синен открывает доступ, Вейран покупает экспертизу. Вы видели Карасс. Вы знаете, чем заканчивается молчание.

Лейла знала. После Карасса у неё иногда болела голова от чужих последних минут.

— Что вы хотите сказать в эфире? — спросила Лейла.

— Что Дом Синен снова у маяков. Что Люмира готовит изоляцию Арии и не говорит об этом делегациям. Что переговоры — ширма.

— У вас есть доказательство, что Дом Синен тронул маяк?

— Печать есть.

— Печать можно подделать.

— Подделка тоже преступление.

— Да. Но это другое преступление и, возможно, другой преступник.

Женщина резко выдохнула.

— Вы опять будете выпускать правду по каплям?

— Если вылить всё в кислородный отсек, люди не станут свободнее. Они начнут давить друг друга у шлюзов.

— Удобная позиция для тех, кто стоит рядом с Арией.

— Я рядом с фактами. Они капризные, зато хотя бы не требуют верности.

Мирс Танн шагнул ближе к камере.

— Лейла, не прячься за ремесло. Ардин хоронил людей из-за таких осторожных слов.

— Ардин хоронил людей ещё и из-за тех, кто путал прямой эфир с детонатором.

— Если ты промолчишь, мы выйдем сами, — сказал Мирс.

— Выйдете. И скажете то, что сможете доказать злостью. А утром Люмира закроет ваши каналы по протоколу спокойствия, Вейран продаст всем «нейтральную платформу», а Ария станет удобным чудовищем. Вам нужен удар или результат?

— Нам нужны имена.

— Имена будут, когда выдержат проверку.

Она отключилась первой. Руки дрожали не от страха. Злость всегда приходила быстрее страха и портила точность. Лейла прошлась по капсуле. Металл гудел: по станции шли аварийные потоки, двигались люди, менялись маршруты. Омбрис пытался перевернуть всех.

Регистратор предложил черновик: «Синенская печать на маяке: что скрывают переговоры?» Лейла выключила подкаски.

— Предашь меня ещё раз таким заголовком — отдам тебя вейранцам. Они научат тебя говорить «инвестиционный разрыв» и радоваться.

Она вернулась к столу. Нужно было решить, что сказать Дуге сейчас, пока фракции не разнесли свои версии, а люмирские фильтры не начали резать каналы.

Лейла открыла карасовы фрагменты. Отобрала три записи с датами и убрала голоса, где люди называли имена виновных. Сейчас они были сшиты шумом, чужой болью и возможной подделкой. Она оставила даты, маячные срывы и совпадение с нынешними маршрутами. Потом подняла карту закрывшихся колец.

Скрытый участок возле Воруса она пока не называла. Само имя всплыло из кэша дважды и исчезло. Похоже на ловушку или запрет, а иногда эти вещи различались только ценой.

Она набрала три заголовка и все стёрла. Один звучал спокойно, другой громко, третий будто одобрил бы вейранский юрист.

В итоге она написала: «Кольца закрываются не по одному».

Это было и достаточно честно.

Перед публикацией она позвонила Арии. Та ответила не сразу. На заднем плане слышались голоса аварийного зала.

— Лейла?

— Я выпускаю карту закрывшихся маршрутов. Без виновных. Без синенской печати. С карасовыми датами.

Ария помолчала.

— Почему предупреждаешь меня?

— Потому что через десять минут тебя начнут обвинять, что я твой голос. Хочу заранее услышать, как ты пытаешься не командовать.

— Выпускай, если уверена.

— Не командуешь?

— Стараюсь. Получается плохо?

— Терпимо. Для наследницы павшего Дома мило.

— Лейла.

— Я не буду прятать масштаб. Но печать пока не назову. Если она подделана, мы дадим врагу нужный пожар. Если настоящая, вернёмся к ней с документами.

— Спасибо.

Лейла поморщилась.

— Не говори так. У меня от благодарности политических фигур начинается сыпь.

— Я не политическая фигура.

— Ария, за дверью сидят пять делегаций, и каждая решает, как тебя использовать или остановить. Поздравляю, ты фигура. Осталось не стать доской.

Связь оборвалась на коротком смешке Арии. Лейла позволила себе улыбнуться и вернулась к карте.

Она записала вводный фрагмент сама, без студии и красивого света. Пусть видят Омбрис таким, каким он стал.

— Это Лейла Тран, Омбрис. Ведарский рукав закрывается без приказа, и это не выглядит единичным сбоем. Есть подтверждённые задержки на соседних маршрутах и старые записи с карасовых мёртвых каналов, где повторяются похожие даты маячных срывов. Я не называю виновных, потому что сейчас нет доказательств, которые выдержат проверку. Но масштаб угрозы скрывать нельзя. На этой карте — маршруты, где связь нарушена или стала нестабильной.

Она включила карту. Красные линии появились постепенно, чтобы зритель успел увидеть не хаос, а направление.

— Если вы находитесь у нестабильного кольца, не верьте частным объявлениям о гарантированных переходах. Проверяйте маяк через два независимых канала. Если ваш маршрут исчез из общей карты, сохраняйте локальный лог и передавайте копии в открытые архивы. Правда сейчас нужна не чтобы назначить удобного врага. Она нужна, чтобы живые успели выйти из закрывающихся коридоров.

Она остановила запись. Голос звучал устало, но живо. Уверенные люди в кризис часто выглядят продавцами спасения.

Публикация ушла в сеть.

Первые отклики пришли. Люмирский канал отметил риск неконтролируемой тревоги. Вейранские аналитики похвалили сдержанность и тут же предложили частную платформу проверки маршрутов. Ардинские активисты обвинили её в мягкости. Пассажиры «Элион-Раха» начали присылать логи, фото, списки тех, кто не успел пройти Ведарский рукав. Один мальчик отправил снимок котелка и написал: «Мама сказала, что вы не врётё. Котелок подтверждает».

Лейла сохранила сообщение в отдельную папку. Котелок оказался лучшим свидетелем.

Через несколько минут карта начала жить сама. Независимые пилоты добавляли данные. Клановые проводники отмечали задержки там, где официально всё было чисто. Один люмирский диспетчер передал закрытый фрагмент через личный канал и подписал: «Не для эфира. Чтобы вы знали, где люди».

Дверь капсулы открылась без стука. На пороге стоял Рен Лиран. Лицо у него было злое, но усталое. Такой злости Лейла доверяла больше, чем спокойствию вейранцев.

— Ты не назвала Синен.

— Не назвала.

— Наши недовольны.

— Передай им, что я тоже. Это укрепит наше взаимопонимание.

Рен не улыбнулся, но плечи у него чуть опустились.

— Мирс считает, что ты дала Арии время.

— Я дала время фактам. Ария случайно стоит рядом и мешает всем считать её фактом.

— У тебя будут имена?

— Будут. Если вы не сожжёте канал раньше.

Рен подошёл к экрану и посмотрел на карту.

— Ты оставила пустой участок у клановой зоны.

Лейла насторожилась.

— Ты его видишь?

— Ардинские пепельные проводники видят многое, чего нет в общих картах. Почему не назвала?

— Потому что он стирается из кэша. Потому что Вейран сегодня вежлив. Потому что Орден молчит громче обычного. Выбирай причину, все неприятные.

Рен провёл пальцем над пустым участком, не касаясь экрана.

— Там Ворус.

Лейла впервые услышала это имя вслух, и ей не понравилось, как станция отреагировала. Свет в капсуле мигнул. Регистратор сам включился и тут же погас.

— Повтори.

— Ворус. Мир свободных кланов. Салатраковые Поля. Если разрыв идёт туда, переговоры опоздали.

— Почему Ардин молчит о нём?

— Потому что кланы не любят, когда их используют как аргумент. И потому что большие силы вспоминают о Ворусе только тогда, когда им нужен маршрут или ресурс.

Лейла хотела задать ещё вопрос, но пришёл новый файл. Без отправителя. Без метки. Он прошёл все фильтры так легко, словно фильтров не существовало. На экране открылся чёрный прямоугольник. Внутри не было изображения, только звуковая дорожка.

Рен отступил от стола.

— Не включай.

— Поздно.

Запись пошла сама. Голос был не мужской и не женский, не старый и не молодой. Он звучал близко, прямо у уха, хотя динамики стояли перед Лейлой. В нём слышался памятный шум Карасса и гул закрывающегося кольца.

— Не называй Ворус.

Файл исчез. Экран вернулся к карте, где пустой участок возле клановой зоны больше не был пустым. Там проступила бледная метка, похожая на след пальца на пыльном стекле.

Лейла медленно сохранила копию экрана, не уверенная, что система позволит. Потом посмотрела на Рена.

— Теперь точно придётся назвать.

Глава 4. Суд вместо союза

Рен Лиран принёс на закрытое заседание не речь, а список. Пластина лежала у него под ладонью, тёплая от постоянной работы, и каждый раз, когда Омбрис вздрагивал от аварийной перегрузки, имена на экране чуть смазывались. Рену казалось, что даже станция не хотела их держать.

Зал переговорного ядра переделали из аварийного ангара. Протокольные кресла не успели привезти, поэтому делегации сидели за доковыми столами. Люмира заняла место ближе к главному экрану. Вейран быстро нашёл точку с лучшей связью. Орден Белой Зари поставил у своего стола белую мачту с глухим контуром. Ардину достался угол возле технической двери.

— Нейтральный Омбрис, — сказал Мирс Танн рядом с Реном. — Даже мебель знает, кому служит.

— Мебель служит тем, кто раньше пришёл и громче потребовал, — ответил Рен. — Не начинай с неё войну. У нас сегодня есть цели покрупнее.

Мирс усмехнулся. На его куртке висел знак возвращённого имени, старый, потёртый, не для красоты. Рен помнил, откуда этот знак. Мирс вытащил его из развалин Эш-Кейна после люмирской зачистки. В тот день он перестал говорить тихо.

Ария вошла без знамени и без свиты. С ней был Дариус Харран, а чуть позади — Лира Вехн из Ордена. Лейла Тран осталась у боковой стены с регистратором. После её публикации карта Дуги жила сама: маршруты краснели, пилоты присылали логи, а чиновники делали вид, что всё под контролем.

Сайра Рут открыла заседание.

— У нас нет времени на протокольные споры. Ведарский рукав закрывается. Ещё четыре маршрута требуют ручного подтверждения. Нам нужен общий порядок доступа к данным и защите Омбриса.

— Нет, — сказал Рен.

Сайра посмотрела на него так, будто он нарушил расписание чужой казни.

— Рен Лиран, вы получите слово после технического отчёта.

— Я получу слово до него.

Он положил пластину на общий стол. Имена поднялись на экран не все. Рен специально настроил медленный вывод, чтобы зал не спрятался за большим числом. Сначала появилось одно поселение. Потом второе. Потом третье.

Эш-Кейн. Лор-Маал. Седая Верфь. Малый Тарин. Хребет Вернувшихся. Двадцать восемь названий, которые в люмирских архивах чаще проходили как «зоны нестабильности» или «последствия локального конфликта».

— Это уничтоженные ардинские поселения, — сказал Рен. — До разговора о клятве и союзе их имена будут зачитаны в протокол.

Вейранский представитель поднял руку.

— Мы выражаем сочувствие, но повестка заседания касается текущего распада колец.

— Эти поселения тоже касались повестки, когда их стирали ради маршрутов.

— Формулировка спорная.

— Могилы не спорят, — сказал Мирс.

В зале стало тише. Ария не отвела взгляда от экрана. Большинство людей при таких списках смотрели либо на выступающего, либо в записи. Ария читала имена, и Рен отметил это отдельно.

Сайра положила ладонь на стол.

— Если каждое движение начнётся с полного суда над прошлым, Омбрис не доживёт до решения.

— Полного суда? — переспросил он. — Вы даже первого имени не выдержали.

Дариус вмешался спокойно:

— Имена будут внесены в протокол. Но сейчас закрываются кольца.

— Они закрывались и тогда. Только называлось это блокадой.

Ария поднялась. В зале прошёл шорох: личные камеры, охранные браслеты, нервные пальцы на оружейных замках. Дариус даже не повернулся, но два люмирских силовика у входа одновременно опустили руки.

— Рен, — сказала Ария, — я не буду спорить с вашим списком. И не буду просить убрать его ради удобства переговоров.

— Удобство переговоров часто начинается с тишины погибших.

— Значит, тишины не будет. Имена останутся в протоколе. Но Порог не дожждётся полного правосудия.

Мирс резко шагнул вперёд.

— Вот она. Старая фраза власти. «Потом разберёмся». Сначала дайте нам ключ, флот, маршруты, детей-навигаторов, а потом мы торжественно вспомним, кого похоронили.

Ария повернулась к нему.

— Я не прошу забыть.

— Вы просите подождать.

— Да. Потому что если кольца лягут, ждать будет некому.

Рен почувствовал, как эта фраза задела самому трудному месту. Он хотел суда: зала, где виновные услышат имена и больше не смогут называться хранителями будущего. Но на экране за спиной Арии гасли маршруты. У правды было право на голос. У катастрофы был таймер.

— Полное правосудие не нужно, чтобы начать с признания вины, — сказал Рен. — Люмира признает блокаду Эш-Кейна?

Сайра ответила без паузы:

— Люмира признаёт, что операция у Эш-Кейна имела тяжёлые последствия для гражданского населения. Юридическая оценка требует комиссии.

Мирс рассмеялся. Смех вышел коротким и злым.

— Комиссии. Конечно. Люмир сначала согласует пожар, потом назначит комиссию по пеплу.

— Ардин признает казнь люмирских техников на Седой Верфи? — спросил Дариус.

Мирс резко повернулся к нему.

— Они обслуживали блокадный узел.

— Они чинили фильтры воздуха для жилого сектора.

Рен сжал пластину сильнее. Он знал это дело. Не всё в ардинской памяти было чистым. Свобода, прожившая долго в подвалах и пепельных маршрутах, иногда начинала мстить раньше, чем проверяла лица.

— Это дело тоже войдёт в список, — сказал Рен.

Мирс уставился на него.

— Ты сейчас ставишь наших рядом с ними?

— Я ставлю мёртвых рядом с мёртвыми. Живые потом будут объясняться.

— Ты всё мягче говоришь, Рен.

— Нет. Я научился не путать громкость с силой.

Эти слова Мирс не простил. Рен увидел это по его лицу. Там рождалось решение.

Солар Иксон, до этого молчавший, поднял ладонь.

— Возможно, нам нужен рабочий компромисс. Реестр претензий, зафиксированный до начала технической части. Без признания юридической ответственности на этом этапе.

— Как удобно, — сказала Лейла у стены. — Вейран изобрёл скорбь без ущерба для баланса.

Солар посмотрел на неё с уважением.

— Я предлагаю способ не сорвать заседание.

— Вы предлагаете назвать боль претензией. У вас даже сердце, наверное, с лицензионным соглашением.

— Если оно когда-нибудь спасёт маршрут, я пришлю вам копию условий.

Несколько человек нервно усмехнулись. Рен не улыбнулся. Вейранская гладкость была опасна тем, что иногда помогала. Компромисс Солара мог удержать зал, но превращал уничтоженные поселения в приложение к технической повестке.

— Реестр будет не претензией, — сказал Рен. — Он будет списком долга. Открытым. С именами, датами, решениями командования и теми, кто отдал приказ, если это известно.

Сайра медленно ответила:

— Люмира не подпишет документ с непроверенными обвинениями.

— Тогда подпишите документ, где указано, что проверка начнётся до стабилизации Порога, а не после удобной победы.

Ария положила ладонь на край стола. Не на мальзаарский контейнер, не на знак Синен. На край стола, где все видели её руку.

— Я подпишу такой порядок от имени Дома Синен. С оговоркой: реестр не даёт права на самосуд до конца кризиса.

Мирс вскинул голову.

— То есть опять запрет мести.

— Да, — сказала Ария. — Потому что месть сейчас сорвёт то, что ещё можно удержать.

— Для вас это удобно. У Синена большой опыт просить жертв подождать.

Рен повернулся к Мирсу.

— Хватит.

— Нет, не хватит. Ты привёл имена, а теперь позволяешь ей решать, когда эти имена получат ответ.

— Я не позволяю ей решать. Я заставляю всех подписать, что ответ будет.

— Бумага против могил. Великая победа Ардина.

Рен встал так, что оказался между Мирсом и столом.

— Если ты хочешь ударить сейчас, бей меня. До остальных не дойдёшь.

Люди Ардина у стены напряглись. Люмирские силовики тоже. Орденская мачта у белого стола тихо вспыхнула, гася резкий рост поля. У Рена неприятно заложило уши. Орден не любил, когда чужая злость мешала его запретам.

Лира Вехн повернулась к старшему хранителю.

— Эллион, если вы сейчас вмешиваетесь в зал, назовите хотя бы условие четвёртого ключа. Иначе вы просите всех снять оружие ради неизвестного запрета.

Белый хранитель Эллион Вар сидел неподвижно. Его лицо было спокойным, как закрытая дверь.

— Орден не раскроет условия клятвы, пока делегации держат оружие на переговорном уровне.

Сайра чуть наклонилась вперёд.

— Вы серьёзно предлагаете разоружить пять враждующих делегаций во время распада гиперколец?

— Я предлагаю не приносить войну к ключу, который отвечает на клятву.

— А если мы не согласимся? — спросил Солар.

— Тогда четвёртый ключ останется молчать.

Мирс фыркнул.

— Очень удобно. Орден знает всё, но скажет потом. Синен виноват, но просит подождать. Люмира убивала, но требует комиссию. Вейран, наверное, счёт выставил за стулья. Может, Ардину тоже занять место и красиво помолчать?

Лейла сказала:

— Стулья тут доковые. За них счёт выставит Омбрис. И, боюсь, всем.

Никто едва улыбнулся, но напряжение дрогнуло. Рен был благодарен ей за эту маленькую трещину в злости. Иногда шутка только давала людям секунду вспомнить, что они ещё люди.

Эллион Вар продолжил:

— Оружие должно быть снято с переговорного уровня. Охрана может остаться у внешних шлюзов. Каждый участник допускает свидетеля другой стороны к своим данным. Только после этого Орден назовёт первое условие.

— Вы просите доверие, которого здесь нет, — сказал Дариус.

— Я прошу действие, которое может его заменить на первые часы.

Рен понял, что белый хранитель прав настолько, чтобы раздражать всех. Разоружение не примирит Ардин и Люмиру, но заставит каждого на несколько часов остаться без привычного ответа.

— Ардин снимет оружие с переговорного уровня, — сказал Рен. — При условии, что список долга вносится в протокол до технической части.

Мирс резко повернулся.

— Ты не имеешь права решать один.

— Я имею право не дать тебе сорвать то, ради чего мы пришли.

— Мы пришли за судом.

— Мы пришли, чтобы суд вообще было кому проводить.

Эта фраза далась ему тяжело. В ней было много от тех, кто всегда просил ждать. Но если они не удержат Дугу, все имена останутся в мёртвых каналах без слушателей.

Сайра сказала:

— Люмира рассмотрит снятие оружия при сохранении внешнего контура безопасности.

— Вейран поддержит обмен свидетелями, — добавил Солар. — При условии защиты коммерческих данных.

Лейла подняла регистратор.

— Кто-нибудь запишите: даже конец Дуги не отменяет коммерческую тайну. Исторический момент.

Ария посмотрела на Рена.

— Реестр долга будет первым пунктом. Не приложением.

Рен кивнул. Он не доверял ей. Не должен был. Но в эту минуту она не пыталась купить его боль и не просила спрятать список под красивым словом. Это ещё не союз. Скорее редкий случай, когда враг не наступил на горло при первой возможности.

Мирс отошёл к ардинской группе. Двое молодых бойцов наклонились к нему. Рен видел их лица: горячие, усталые, готовые поверить тому, кто говорит проще. «Нас предали». «Нас опять заставили ждать». «Рен стал мягким». Эти фразы легко входят в кровь, когда за спиной стоят могилы.

Заседание продолжалось ещё полчаса. Спорили о шлюзах, браслетах и свидетелях у данных. Орден молчал о клятве до снятия оружия. Люмира пыталась оставить силовой резерв под видом медиков. Вейран торговался за закрытые расчёты. Рен подписывал временные строки и чувствовал, как список становится тяжелее.

Когда объявили перерыв, он вышел в боковой коридор. Там было тише. За стеной работала вентиляция, пахло пылью и старым пластиком. Внизу, за стеклянной вставкой, двигались пассажиры с Ведарского рукава. Женщина с пустым аквариумом сидела на ящике и гладила стекло, будто внутри ещё было живое существо.

Рен остановился. Он хотел суда не из любви к прошлому. Он хотел, чтобы эта женщина, мальчик с котелком и дети с окраин не становились платой за большие решения. Но если сейчас он выберет только суд, закрывающиеся кольца сами вынесут приговор всем.

— Ты выглядишь так, будто проглотил люмирский протокол, — сказала Лейла за спиной.

— Надеюсь, меня можно спасти.

— Не знаю. Протоколы Люмира плохо выходят естественным путём.

Он всё же усмехнулся.

— Ты не назвала Ворус?

— Пока нет.

— После того файла?

— Особенно после него. Запреты любят, когда их ломают в ярости. Я хочу сначала понять, кто так просит.

Рен кивнул.

— Мирс будет действовать.

— Я видела.

— Он считает, что я предал список.

Лейла подошла к стеклу рядом с ним.

— Он считает, что список принадлежит ему. Это разные вещи.

Рен ничего не ответил. Она была права, а правота Лейлы обычно не делала жизнь легче.

В конце коридора мелькнул Мирс. Он шёл быстро, не оглядываясь. Двое молодых ардинцев остались у двери, будто случайно закрыли обзор. Рен сделал шаг, но Лейла положила руку ему на локоть.

— Не сейчас. Если пойдёшь за ним открыто, он получит сцену.

— Если не пойду, он получит свободу.

— Дай мне две минуты.

Она подняла регистратор и направила его не на Мирса, а на отражение в стеклянной вставке. Рен увидел в отражении конец соседнего прохода. Там Мирс остановился перед человеком в сером дорожном плаще. Лица едва было видно. На рукаве незнакомца на миг блеснула маленькая застёжка с вейранским узором, но без официального знака Консорциума.

Мирс принял от него тонкую пластину. Незнакомец сказал что-то короткое. Мирс ответил не сразу, потом спрятал пластину под куртку.

— Записала? — спросил Рен.

— Отражение плохое, но движение есть.

— Этого мало.

— Для эфира мало. Для тревоги достаточно.

Мирс и человек в сером разошлись в разные стороны. Рен смотрел, как пустеет проход, и чувствовал, что список под его ладонью ещё открыт. Только теперь к старым именам добавлялось новое дело, ещё без погибших и без даты.

Он сказал:

— Если Вейран кормит нашу ярость, значит, они знают, куда она должна ударить.

Глава 5. Белая мера

Ли́ра Вехн получила обломок ведарского маяка в контейнере для биологических образцов, хотя металл не дышал и не рос. Техники Омбриса не знали, куда положить предмет, который прошёл через закрытие гиперкольца, сохранил корпус целым и при этом начал шептать детским голосом при каждом включении сканера.

Лаборатория Ордена на Омбрисе занимала бывший склад аварийных гермозатворов. Белые панели закрывали старые стены не до конца, поэтому из-под них торчали кабели, ржавые крепления и чужая практичность. Ли́ра даже любила это место. Оно не позволяло Ордену выглядеть древним и важным. Любой высокий запрет звучал скромнее рядом с табличкой «не хранить кислородные баллоны у нагревателя».

Обломок лежал в центре стола. По форме это был кусок внешнего кольца маяка, не больше ладони. Металл сохранил заводскую насечку, расчётные контуры не перегорели. На поверхности не было следов взлома, кислотной резки или перегрева. По всем обычным признакам маяк должен был работать.

Ли́ра включила первый сканер. Линия отклика прошла ровно, потом резко ушла вниз. В комнате прозвучал тихий детский смех.

Молодой молчальник у двери вздрогнул и едва не уронил планшет.

— Это запись? — спросил он.

— Если бы это была запись, я бы радовалась, — сказала Ли́ра. — Запись можно стереть, проверить или хотя бы обвинить техника, который её поставил.

— А это?

— Память, которая не должна находиться в маяке.

Она включила второй слой. Вместо навигационного отклика на экране появилась комната: низкий потолок, светлая ткань на стене, детская рука с синим браслетом. Видение держалось меньше секунды, но Ли́ра успела заметить дату на браслете. Карассовый период. Раньше Ведарского сбоя на много лет.

Молчальник сделал знак защиты.

— Белая Заря сохранит равновесие.

— Белая Заря сначала не должна испортить образец, — ответила Ли́ра. — Потом сохранит что хочет.

Он покраснел, но промолчал. В Ордене быстро учили тишине, но плохо учили не обижаться на людей с инструментами.

Ли́ра открыла третий слой. Теперь обломок дал не картинку, а чужое чувство: страх перед дверью, которая не открывается. Не большой ужас катастрофы, а маленький страх ребёнка, запертого не там, где надо. Ли́ра отдернула руку от стола. На коже не осталось следа, но в памяти на миг всплыло чужое слово: «мама». Она закрыла канал.

— Фиксируй, — сказала она молчальнику. — Металл цел. Расчётные контуры исправны. Внутри памятный след ребёнка, не связанного с маячным обслуживанием.

— Как записать причину?

— Никак. Мы её ещё не знаем.

Дверь лаборатории открылась. Белый хранитель не повышал голос, не торопился, не делал лишних движений. Именно поэтому рядом с ним многие начинали говорить шёпотом. Ли́ра давно перестала.

— Вы проводите третий уровень без согласования.

— Второй уровень засмеялся ребёнком. Я решила, что согласование подождёт.

Эллион посмотрел на обломок.

— Это памятный откат масштаба Дуги.

— Удобное название для того, что мы не понимаем.

— Мы понимаем достаточно.

— Тогда скажите проще.

— При распаде старых клятв Артексил возвращает в узлы память тех, кого система использовала как цену.

Молчальник у двери побледнел. Лира медленно закрыла рабочий слой и повернулась к хранителю.

— Значит, это не технический сбой.

— Не только технический.

— И не случайная подделка синенской печати.

— Печать могла быть частью отката.

— Или частью удара.

Эллион не ответил. Лира знала эту паузу. В Ордене ей учили годами: если прямой ответ может открыть опасную дверь, молчание считается осторожностью. Позже она поняла, что молчание часто оставляет других людей под дверью, которая горит.

— Ария должна это увидеть, — сказала Лира.

— Нет.

— Она носитель доступа. Сбой отозвался на её имя. Если кольца распадаются через нарушенные клятвы, ей нужны данные.

— Ария Синен и так стоит близко к четвёртому ключу.

— Ключ стоит близко к катастрофе. Это разные вещи.

Эллион подошёл к столу и положил ладонь над обломком, не касаясь металла.

— Вы ещё не знаете, что именно нашли.

— Именно поэтому нельзя прятать находку.

— Вы говорите как человек, который увидел первый слой и решил, что весь Порог обязан открыться перед ним.

Лира усмехнулась устало.

— Нет. Я говорю как человек, который видел, как закрывается Ведарский рукав. Там люди не спрашивали, все ли слои согласованы.

Эллион повернулся к молчальнику.

— Запись исследования закрыть белым запретом. Доступ — только старшим хранителям. Обломок перенести в изолированный контур.

Молчальник поспешно кивнул.

— Эллион, — сказала Лира, — если мы закроем это сейчас, другие всё равно найдут фрагменты. Вейран ищет коммерческий угол, Люмира силовой, Ардин обвинительный. Мы опять придём последними с правильной печатью на неправильном пепле.

— Орден не обязан подстраиваться под чужую спешку.

— Орден обязан не путать равновесие с запозданием.

Эллион посмотрел на неё. Не сердито. Хуже: с сожалением, заранее оформленным в протокол.

— Лира Вехн, вы отстранены от прямого доступа к обломку до решения совета хранителей.

Молчальник у двери опустил глаза. Лира сняла перчатки, положила их рядом со сканером и кивнула.

— Разумеется. Совет хранителей очень быстро решает вопросы, если маршрут закрылся и свидетели не мешают.

— Осторожнее.

— Я осторожна. Вы называете осторожностью только те решения, где никто не задаёт вопросов.

Она вышла из лаборатории без контейнера, зато с рабочим браслетом на руке. Эллион забрал основной архив, но Лира не была ученицей первого года. При первом детском смехе она настроила браслет на теневую копию параметров, без изображения и голосов. Формально это не было записью образца. Формально многие вещи в Ордене были чистыми, пока не начинали убивать людей.

В коридоре её догнал тот самый молчальник.

— Старший хранитель приказал вам не приближаться к обломку.

— Я удаляюсь. Очень послушно.

— Вы не должны передавать данные Арии Синен.

Лира остановилась.

— Ты имя как приговор произносишь.

— Она опасна.

— Да. Как и закрывающееся кольцо, вейранский контракт, люмирский приказ и ардинская месть. Опасность не повод выключать разум.

Молчальник сжал планшет.

— Если ключ откроется неправильно, пострадает Дуга.

— Если мы будем молчать правильно, Дуга тоже пострадает. Орден успеет сказать, что предупреждал.

Он не нашёл ответа. Лира пошла дальше, к переходу аварийного ядра.

Омбрис за последние часы стал другим. В коридорах висели временные указатели, но люди всё равно спрашивали дорогу у охраны, торговцев и друг у друга. Лира заметила, что очередь двигалась быстрее. Иногда порядок появлялся там, где две стороны не доверяли друг другу одинаково сильно.

У переговорного зала её остановил вейранский эксперт. Имя всплыло в памяти: Контр Селл, рискованный аудитор из группы Солара. Он был невысокий, с мягким голосом и глазами человека, который оценивает даже чужие паузы.

— Лира Вехн. Мне сказали, вы исследовали обломок ведарского маяка.

— Громко сказали. Я успела посмотреть на него до того, как Орден решил, что мои глаза угрожают равновесию.

— Значит, там есть что скрывать.

— Удивительная догадка. Вейранские школы ещё сильны.

Контр Селл улыбнулся.

— Мы можем помочь с моделью. У нас есть стабилизационные расчёты для маяков с памятным шумом.

Лира не показала удивления. Слова «памятный шум» он не должен был знать. Значит, либо Вейран получил утечку, либо имел свои фрагменты.

— Вы быстро называете вещь, которую официально ещё никто не назвал.

— У нас хорошие эксперты.

— И плохие замки на чужих дверях.

— Обмен данными спасает время.

— Иногда обмен данными спасает только того, кто первым поставит печать на чужую находку.

Он не обиделся. Вейранцы вообще умели не обижаться, когда рядом лежала выгода.

— Если распад колец связан с памятным откатом, это можно моделировать. Вы дадите нам структуру схемы, мы построим стабилизационную сетку. Разумеется, с ограниченным доступом для Ордена.

— Разумеется. И с маленьким словом «актив» в каждом третьем пункте.

— Если система работает, её нужно масштабировать.

— Если система записывает детскую память в маяк, её сначала нужно понять.

Контр Селл наклонился чуть ближе.

— Понимание не исключает собственности.

— Вот именно это меня и пугает.

Он хотел ответить, но из переговорного зала вышла Ария. Без Дариуса, без контейнера, с пустыми руками.

— Лира. — Вы хотели меня видеть?

Контр Селл сделал шаг назад. Вежливый, незаметный. У таких людей отступление тоже было способом остаться рядом.

— Я тоже хотел бы присутствовать. — Вейран готов предоставить техническую оценку.

— Позже, — сказала Лира.

— Позже бывает дорого.

— Сегодня всё дорого. Даже воздух у доков.

Ария посмотрела на Лиру внимательнее.

— Что случилось?

Лира не стала уводить её в зал. Она выбрала боковой технический отсек, где раньше хранили аварийные крепления. Там было тесно, зато камеры Омбриса смотрели в коридор, а не внутрь.

— Орден запретил мне показывать вам данные.

Ария закрыла дверь.

— Вы решили начать с этого, чтобы я оценила доверие?

— Нет. Чтобы вы понимали: если я ошибаюсь, Орден будет иметь право назвать меня нарушителем.

— А если вы правы?

— Тогда он назовёт меня нарушителем позже.

Ария чуть усмехнулась. Усталость не исчезла с её лица, но стала живее.

— Показывайте.

Лира вывела на браслете схему без изображения ребёнка. Только линии отклика, задержки, провалы маячной памяти и совпадения с карассовыми датами. Потом добавила слой Лейлы: карта закрывающихся маршрутов. Третий слой был её собственным расчётом, самым опасным. Она собирала его по старым фрагментам Ордена ещё после Мальзаара и всё время думала, что видит ошибку.

Теперь ошибка смотрела на неё с экрана уверенно.

— Кольца распадаются не там, где слабее металл, — сказала Лира. — И не там, где старее контур. Срыв идёт по местам, связанным с нарушенными клятвами.

— Чьими?

— Разными. Военными, родовыми, навигационными, политическими. Там, где обещали защиту и использовали людей как ресурс. Там, где маршрут открывали под знаком помощи, а потом превращали в блокаду. Там, где голоса погибших закрывали ради спокойствия.

Ария долго смотрела на схему.

— Это похоже на суд.

— Артексил не судья. Ему всё равно, кто красиво объяснил приказ. Он реагирует на разрыв между клятвой и действием.

— Почему сейчас?

Лира увеличила мальзаарский слой. Знак третьего ключа лёг поверх Ведарского рукава и пропавшего участка у Воруса.

— После Мальзаара шифр перестал быть закрытым. Система снова пытается собрать путь к Порогу. Но путь проходит через долги, которые старые силы спрятали. Кольца не ломаются случайно. Их тянет туда, где слово когда-то превратили в власть.

Ария молчала. Лира видела, как она удерживает первое желание взять всё на себя. Потом Ария выдохнула и спросила:

— Что вам нужно от меня?

Хороший вопрос. Не «что я должна сделать», не «как мне открыть», не «кто виноват».

Лира впервые за день почувствовала, что риск был не совсем глупым.

— Не давать никому единоличного доступа к этой схеме. Даже себе.

— Вы пришли ко мне, чтобы сказать, что мне нельзя владеть тем, что вы принесли?

— Да.

— Справедливо.

В дверь постучали. Лира закрыла схему, но не успела убрать браслет. Ария открыла. На пороге стоял Контр Селл.

— Прошу прощения. Эллион Вар ищет вас, Лира Вехн. А Совет Вейрана просит копию стабилизационной модели, если она существует.

— Передайте Совету Вейрана, что модель пока не умеет превращаться в собственность.

— Нам не нужна собственность. Нужна возможность просчитать риски.

Ария стояла рядом спокойно, но Лира заметила, как её пальцы легли на край двери.

— Вейран просчитывает риски для Воруса? — спросила Ария.

Контр Селл не моргнул, но пауза стала длиннее.

— Ворус не входит в текущую повестку.

— Тогда почему вы слышали его в вопросе?

Он улыбнулся.

— Потому что сейчас все боятся того, что не входит в повестку.

— Удобная фраза.

— Практичная.

Лира сохранила схему в закрытый слой и отправила Арии ключ доступа. Один ключ, временный, с запретом копирования. Запрет копирования был слабым. Если Ария захочет, она обойдёт его через мальзаарский фрагмент. Лира сделала это нарочно. Доверие, которое вообще не может быть нарушено, ещё ничего не стоит.

Контр Селл заметил передачу. Его взгляд на миг стал острее.

— Орден всё же делится данными?

— Орден ещё думает, — сказала Лира. — Я, к сожалению, быстрее.

— Быстрота без согласования опасна.

— Да. Медлительность с хорошими печатями тоже.

Из коридора донёсся сигнал общего канала. Не тревога, а короткий сбой, после которого на всех браслетах появились одинаковые белые полосы. Лира открыла карту. Маршруты вокруг Вedarского рукава дрогнули, но удержались. Потом схема сама сместилась к нижнему краю Дуги.

Ворус вспыхнул на карте яркой точкой.

Ария шагнула ближе. Контр Селл перестал улыбаться. Лира почувствовала в пальцах тот же холод, что в лаборатории, когда детская память прошла через металл.

Точка Воруса расширилась, и вокруг неё проявился рисунок, похожий на живую сеть. Лира узнала его по старым запретным листам Ордена. Салатраковые Поля. Их нельзя было показывать в открытой схеме, но карта Омбриса вывела рисунок сама.

— Это не наш слой, — сказала Лира.

— Чей? — спросила Ария.

Ответа не было. Сначала погас один соседний маршрут. Потом второй. Третий держался ещё несколько секунд, мигал, будто спорил с пустотой, и тоже исчез с карты.

Контр Селл тихо выругался на вейранском деловом языке. Даже ругательство у него звучало как пункт договора.

Ария не смотрела на него. Она смотрела на Ворус.

Лира закрыла ладонью браслет, но схема продолжала светиться через пальцы.

— Теперь Ордену придётся объяснять, почему он молчал. — И лучше ему начать до того, как остальные купят первое удобное объяснение.

Глава 6. Цена нейтрального коридора

Солар Иксон не любил нейтральные коридоры. В них всегда приходилось платить дважды: сначала за право пройти, потом за право доказать, что ты не собирався никого обмануть. После закрытия Ведарского рукава Омбрис поднял тарифы на стыковку, кислород и защитные шлюзы. Это называлось аварийным перераспределением ресурсов.

Солар шёл по коммерческому коридору Вейрана с двумя аудиторами и охранником. На стенах мигали предупреждения: Ведарский рукав закрыт, три соседних маршрута требуют ручной проверки, участок у Воруса исключён из общей карты.

Последняя строка исчезла, едва Солар успел её прочитать.

— Зафиксировали? — спросил он.

Контр Селл поднял браслет.

— Да. Омбрис стирает Ворус из открытого слоя.

— Страх тоже бывает заказным.

На закрытом браслете вспыхнул знак Совета держателей доли. Солар остановился у бокового окна. За бронестеклом висели корабли делегаций. Люмир держал ровный строй, Ардин стоял у пепельного края, корабль Ордена едва ловился обычными датчиками.

Вызов Совета открыл защищённый слой. Шесть лиц появились в отдельных окнах. Каждый оставлял себе право потом сказать, что его неправильно поняли.

— Солар Иксон, — сказала Равенна Мер. — Подтвердите статус Воруса.

— Подтверждаю исчезновение участка из открытых карт. Орден нервничает. Ария Синен получила данные от Лиры Вехн. Люмир строит силовой контур. Ардин требует суда до союза.

— Нас интересует кристалл-резонатор.

Солар сцепил пальцы за спиной.

— Орден ещё не подтвердил его существование.

— Орден не подтвердит ничего, пока не извлечёт пользу из молчания. Если резонатор существует, Вейран должен получить доступ первым.

— Для исследования или для владения?

На линии стало тише. Вейран не любил, когда смысл договора называли раньше времени.

— Для обеспечения стабильности, — ответила Равенна.

— Удобная оболочка.

Тарн Вей наклонился ближе к камере.

— Вам поручается обеспечить технический допуск к любому резонатору, если Орден подтвердит его связь с Ворусом. Через общий протокол, если получится. Иным способом, если общий протокол будет заблокирован.

— «Иным способом» в протоколе не пишут, потому что потом его читают прокуроры.

— Тогда не заставляйте нас писать.

Солар посмотрел вниз, на доки. Там шли люди с Ведарского рукава: женщина с пустым аквариумом, мальчик со старым котелком, техники с аварийными сумками. После публикации Лейлы их знала половина Дуги.

— Если мы начнём гонку за Ворусом сейчас, союз развалится, не успев появиться, — сказал Солар. — Ария не верит Вейрану. Ардин ждёт повода. Люмира мечтает закрыть всё под мандат. Орден запрёт знание, если почувствует захват.

— Поэтому вы и назначены, — сказала Равенна. — Вы умеете делать захват похожим на обслуживание.

— Прекрасная эпитафия для моей карьеры.

— Карьере нужен результат.

Связь закрылась. На браслете остался файл: рамка доступа, список нужных подписей и пустая строка под объект. В строке ещё не было слова «резонатор». Вейран умел оставлять место для будущей правды.

Солар убрал файл и пошёл к переговорному залу. Его публичное выступление стояло в повестке. После Рена и Лиры всем требовался человек, который скажет: у нас есть оборудование, расчёты и ремонтные бригады. Люди в кризис любят тех, кто обещает починить дверь. Потом, правда, ненавидят счёт за петли.

В аварийном зале делегации сидели ещё дальше друг от друга, чем раньше. На столах лежали контейнеры для сданного оружия, но многие были пусты. Вейран не называл это никак: половина его защиты всегда была не в оружии, а в договорах.

Ария стояла у главного экрана рядом с Лирой. На схеме Ворус больше не вспыхивал, но вокруг пустого места сохранялось напряжение.

Сайра Рут дала Солару слово без приветствия.

— Консорциум Вейран готов предоставить стабилизационный пакет, — сказал Солар. — Ремонтные бригады для маяков, аудит голоссетевых искажений, флот сопровождения для беженских судов и лабораторные расчёты по памяtnому откату.

— Продаёте спасение? — спросил Мирс Танн.

— Пока предлагаю. Продажа начинается, когда покупатель делает вид, что у него был выбор.

Лейла у стены подняла регистратор.

— Записала. Редкий случай честной рекламы.

Сайра не улыбнулась. Ария тоже. Рен Лиран смотрел на Солара так, словно выбирал, в какую графу будущего реестра его занести.

— Вейран не требует единоличного управления, — продолжил Солар. — Но хаос нужно считать. Кольца закрываются не из уважения к нашим обидам. Если мы будем спорить за каждую деталь, маршруты рухнут быстрее протокола.

— И что вы хотите взамен? — спросила Ария.

— Допуск к данным Ордена по памяtnому откату. Доступ к маячным обломкам. Право строить общую стабилизационную модель.

— Патент? — спросила Лейла.

— Нет.

— Вот сейчас я испугалась. Вы точно из Вейрана?

— Патент на незавершённую катастрофу — плохой актив.

Ария не поддержала шутку.

— Кто будет владельцем модели?

— На первом этапе — никто. Контроль распределяется между делегациями.

Рен прищурился.

— Вейран предлагает систему без владельца?

— Вейран предлагает систему с проверяемым доступом. Это не одно и то же.

Лира сказала:

— Проверяемый доступ становится замком, если ключи держит один поставщик.

Солар кивнул ей.

— Поэтому поставщиков должно быть несколько. Люмира даёт флот, Ардин — пепельные маршруты и локальные логи, Орден — данные по Артексилу, Синен — доступ к мальзарскому шифру. Вейран даёт расчёт, лаборатории и ремонтную сеть.

— Федеральный флот не передаёт военный контур частному расчёту, — сказала Сайра.

— И правильно. Частный расчёт тоже не должен получать ваши оружейные коды. Я предлагаю общий слой без права командования.

Мирс фыркнул.

— Красиво. У каждого останется повод обвинить соседа, когда всё ляжет.

— Повод и так есть. Я предлагаю оставить ещё и шанс.

В зале стало чуть тише. Солар не любил говорить искренне на публике: потом такие слова мешали торговаться.

Ария посмотрела на него внимательно.

— Вы говорите как спасатель. А Совет держателей доли думает так же?

Главный вопрос прозвучал в нужный момент. Солар мог сказать, что Вейран говорит единым голосом. Это была бы ложь хорошего качества, пригодная для протокола.

— Совет думает выгодой. — Я думаю устойчивостью. Сегодня эти интересы совпадают не полностью, но достаточно, чтобы работать.

Лейла тихо присвистнула.

— Кто-нибудь дайте ему стул, пока свои не уволили.

Эллион Вар из Ордена поднял глаза.

— Данные по Артексилловому откату не будут переданы в коммерческий контур.

— Тогда передайте их в общий. Под вашим надзором. Если вы продолжите молчать, остальные начнут строить модели по обломкам, слухам и страху. Вейран хотя бы честно признаёт, что считает.

— Честность Вейрана заканчивается там, где начинается право собственности.

— Иногда право собственности удерживает людей от драки за общий ресурс.

Ария сказала:

— А иногда превращает спасение в платный шлюз.

Солар встретил её взгляд. В нём не было ненависти. Ненависть упрощала спор. Ария смотрела так, будто пыталась понять, где его правда повреждена.

— Я видел бесплатный доступ к Артексилу. — Он тоже убивает.

Зал снова затих. Солар понял, что сказал больше, чем собирался.

Память поднялась без приглашения. Лабораторный пояс Вейрана, нелегальная установка у старой артексилловой жилы, его сестра Эна, которой было двадцать три. Она верила, что запреты пишут люди трусливее неё. Установка должна была дать дешёвый резонанс для больничных куполов.

Когда ток сорвался, Эна не умерла. Сначала забыла, где находится, потом перестала узнавать брата, потом повторяла одно слово: «свет». В отчёте написали: несанкционированный эксперимент. Солар думал иначе. Её убила вера, что опасное можно сделать свободным, если цель хорошая.

Он вернулся в зал, сжимая ладонь до боли.

— Моя позиция проста. — Артексилловый доступ должен иметь владельца ответственности. Не хозяина мира. Ответственного, которого можно заставить платить за ошибку.

— И Вейран скромно готов им стать? — спросил Рен.

— Вейран готов быть одним из них.

— Одним, который умеет делать себя незаменимым.

— Да. У нас это получается. Именно поэтому мы полезны.

После заседания к нему подошла Ария. Без Лиры и Дариуса.

— Вы правда боитесь свободного доступа? — спросила она.

— Да.

— Или боитесь доступа без вашей печати?

— И того, и другого. Я же не святой из учебника Ордена. У меня обычный набор пороков: расчёт, недоверие и желание, чтобы мир сначала подписал условия, а потом падал в бездну.

Ария устало усмехнулась.

— Честно.

— Полностью честные люди редко получают мандат говорить от Консорциума.

— Тогда зачем говорите сейчас?

Солар посмотрел через стекло на доки. Ремонтные команды стыковали новый беженский корабль. Один люмировский солдат держал очередь и выглядел так, будто предпочёл бы бой.

— Потому что Порог не будет ждать, пока мы станем лучше, — сказал Солар. — Придётся работать с теми версиями нас, которые есть.

— Версия Вейрана хочет Ворус.

Он не ответил.

— Все теперь хотят Ворус.

— Это не ответ.

— Тогда да. Совет держателей доли хочет доступ к тому, что может оказаться резонатором. Я пытаюсь сделать так, чтобы этот доступ не стал захватом.

— Пытаетесь изнутри?

— Звучит благороднее, чем есть. Я пытаюсь не потерять влияние на собственных людей.

Ария кивнула.

— Это больше похоже на правду.

К ним подошёл Контр Селл и показал знак закрытого вызова. Солар понял: хорошее время закончилось. Вейран редко давал долго говорить без повода.

— Мне нужно идти.

— Солар.

Он остановился.

— Если вы узнаете о подготовке силового хода, скажите раньше, чем нам придётся считать погибших.

— Вы просите меня предать Совет?

— Я прошу вас выбрать, что именно вы хотите спасти.

Её фраза осталась с ним, пока он шёл по коммерческому коридору. Вейранские двери открывались без задержки. Омбрис уважал тех, кто платит вовремя.

Закрытая переговорная Консорциума была спрятана за ремонтным складом. Внутри пахло озоном и дорогой изоляцией. Контр Селл поставил защиту. На столе горела схема Воруса: нижние маршруты, клановые посадочные зоны и большой пустой круг в центре.

— Откуда это? — спросил Солар.

— Старые добычные архивы. Часть куплена, часть восстановлена, часть лучше не обсуждать.

— Последняя часть обычно самая дорогая.

— И самая точная.

На схеме центральный круг поместили: вероятный резонаторный узел. Рядом стояли расчёты силового вывоза, окна подлёта и точки высадки частных команд.

Солар медленно поднял взгляд.

— Кто санкционировал десантные расчёты?

— Совет безопасности доли.

— Такого органа нет.

— Теперь есть. Временный.

— Прекрасно. Вейран создал новый орган за время, пока я говорил в зале.

Контр не улыбнулся.

— Они считают, что общий протокол не успеет. Если Орден подтвердит резонатор, Ария и кланы заблокируют извлечение. Люмира попытается взять военный контроль. Ардин превратит всё в суд. Вейран потеряет окно.

— А если резонатор нельзя извлекать?

— Тогда его надо защитить от неправильного использования.

— С помощью частного десанта?

— С помощью группы предварительного обеспечения.

Солар сел. Стоя можно было ударить Контра, а это было бы бесполезно.

— Сколько кораблей?

— Три основных, два в кольцевой тени. Без гербов. Формально спасательные платформы.

— Где они сейчас?

Контр задержался на вдох.

— У пепельного маршрута.

Пепельный маршрут был близко к Ворусу. Значит, решение приняли не после вспышки карты. Его готовили заранее.

— Вы хотели поставить меня перед фактом.

— Совет хотел сохранить вашу публичную чистоту.

— Какая забота. Обычно после такой заботы в семье меняют замки.

— Вы ещё можете возглавить операцию и сделать её контролируемой.

— Операция по захвату резонатора не станет контролируемой только потому, что я надена на неё красивую табличку.

— Если вы откажетесь, её возглавит другой.

Это был главный удар. Другой будет проще и жёстче. Он назовёт Ворус активом, кланы — препятствием, Поля — зоной допустимого ущерба.

— Передайте Совету, что без моего подтверждения ни одна платформа не входит в зону Воруса.

— У вас нет полного права блокировки.

— Зато у меня есть право раскрыть подготовку на общем заседании. Угадайте, сколько минут проживёт ваша временная структура после того, как Лейла Тран получит слово «частный десант».

Контр впервые по-настоящему напрягся.

— Это ударит по Вейрану.

— Это заденет тех, кто решил, что спасение лучше начинать с рейда.

— Совет назовёт вас нестабильным.

— Пусть встанут в очередь. Сегодня это популярная оценка.

Контр вывел на стол последний файл.

— Есть ещё один слой. Список факторов сопротивления.

На схеме появились имена. Ария Синен. Лира Вехн. Рен Лиран. Дариус Харран. Эллион Вар. Ниже отдельной строкой стояло имя, которого Солар ещё не видел в живой повестке переговоров.

Сабаинар.

Рядом с именем была пометка: главное препятствие. Носитель родовой клятвы. Связь с Салатраковыми Полями. Носителя нельзя подкупить, и он не признаёт внешнее право доступа. При необходимости — изолировать до начала работ.

Солар прочёл строку дважды. В памяти снова всплыла Эна, белое лицо у лабораторного стекла и её тихое «свет», которое потом долго жило в его снах. Он боялся свободного доступа не из жадности. Но сейчас его страхом пользовались люди, готовые назвать живого лидера препятствием.

Он закрыл файл ладонью.

— Вот теперь, Контр, у нас не стабилизационная модель. У нас преступление, которое ещё считает себя планом.

Глава 7. Нападение без выстрелов

Ария поняла, что заседание сорвётся, ещё до первого голоса из Голоссети. В зале было тихо. Делегации сняли часть оружия, но не сняли привычку ждать удара. Люмирские силовики стояли у внешних шлюзов, Ардин держался возле нижнего выхода, Вейран занял линию связи, Орден поставил белую мачту у стола и делал вид, что это не способ управлять воздухом.

На экране висел Ворус. После вспышки на карте его не смогли убрать полностью. Название то исчезало, то появлялось бледной строкой, будто станция сама боялась произнести его вслух.

— Начнём с условий доступа к данным, — сказала Сайра Рут. — До решения по Ворусу никто не отправляет корабли, зонды или частные группы без общего подтверждения.

Солар Иксон чуть повернул голову. Ария заметила это движение. После разговора с Лирой она видела Вейран иначе: не только как Консорциум с патентами, а как людей, которые могли считать Ворус активом.

— Вейран поддержит общий протокол, — сказал Солар. — При условии, что слово «общий» не станет другим названием для люмирского командования.

— Смешно слышать это от человека, чьи коллеги пытались запросить копию схемы Лиры, — сказал Рен.

— Запрос — не захват.

— У Вейрана это ранняя стадия захвата.

Лейла у боковой стены подняла регистратор.

— Прошу говорить громче. История любит, когда обвинения записаны в хорошем качестве.

— Это закрытое заседание, — напомнила Сайра.

— Да, но память у закрытых заседаний обычно хуже, чем у открытых. Я помогаю.

Дариус стоял у линии охраны и не вмешивался. Ария знала его молчание: он считал не слова, а шаги до первого выстрела. У него были люди у каждого шлюза, но он не любил зал, где все вооружены правотой.

Эллион Вар из Ордена поднял руку.

— Четвёртый ключ не откроется, пока каждая сторона приносит к столу страх вместо меры.

Мирс Танн резко усмехнулся.

— Орден говорит о мере после того, как спрятал данные о Ворусе. Очень удобно.

— Мы прячем не данные, а последствия, к которым вы ещё не готовы.

— Нас много лет считали неготовыми к правде. Обычно это значило, что правда кому-то мешает.

Ария положила ладонь на край стола.

— Нам не нужен новый спор о праве молчать. Нужен порядок: что есть по Ворусу, какие маршруты гаснут, где связь ещё держится.

Она хотела добавить: и кто готовит силовой ход. Но Солар смотрел прямо на неё, и в его взгляде было предупреждение. Не сейчас. Или не при всех.

Белая мачта Ордена вдруг дрогнула. Свет внутри неё погас, потом вспыхнул красным. Лира, сидевшая рядом с Эллионом, резко поднялась.

— Отключите голоссетевой слой зала.

— Он не подключён, — сказал омбрисский техник у стены.

— Тогда он подключился сам.

Экран с Ворусом потемнел. На нём появились карассовы помехи: зернистые, неровные, с провалами в звук. Ария почувствовала их кожей. Ключ голоса, который она несла после

Карасса, отозвался внутри не словом, а болью, будто в груди открылась старая рубка с погасшим светом.

Первый голос прозвучал из всех динамиков.

— Люмир приказал закрыть шлюзы. Дети остались у нижней палубы.

Сайра побледнела, но не отвела взгляда от экрана.

Второй голос ударил по верх первого.

— Ардин вывел маяк из строя. Они назвали это свободой маршрута.

Рен резко встал.

— Ложь.

Третий голос был старым, с карассовым шумом в каждом слове.

— Вейран продал нам фильтры, которые не держали гарь. Потом выставил счёт за замену.

Солар сжал пальцы на подлокотнике.

Четвёртый голос стал детским.

— Белая Заря знала, где открыть путь. Они молчали, пока мы считали воздух.

Эллион Вар закрыл глаза. Лира смотрела на мачту, словно хотела руками удержать её от распада.

Пятый голос произнёс имя Арии.

— Синен всегда приходит после смерти и говорит, что хранит равновесие.

Зал двинулся. Ардинцы вскочили, люмирская охрана шагнула к дверям, один вейранский аудитор попытался закрыть свой канал. Белая мачта Ордена дала короткую вспышку, и у нескольких людей на секунду подогнулись колени.

— Всем оставаться на местах! — сказал Дариус.

Его голос перекрыл шум не громкостью, а точностью. Люди привыкли слушать приказ, когда в нём нет просьбы нравиться.

— Охрана, оружие вниз. Не к столу. К дверям. Любой ствол в сторону делегации — и я лично запишу владельца в список идиотов дня.

Лейла, несмотря на побелевшее лицо, не выключила регистратор.

— Это официальный список или рабочий? — спросила она.

— Для начала рабочий.

— Хорошо. Я люблю документы в развитии.

Шутка прошла по залу маленькой трещиной. Двое люмирцев опустили оружие ниже. Один ардинец ещё держал руку у кобуры. Рен резко сказал ему:

— Убери. Если выстрелишь в голос, попадёшь в живого.

Ария пыталась дышать ровно. Голоса продолжали идти, накладывались друг на друга и искали слабые места в каждом. Люмиру говорили о приказах, Ардину — о казнях, Вейрану — о проданных спасениях, Ордену — о молчании. Ей доставалось всё: Синен, Порог, кровь, чужие имена, которые система будто возвращала ей как долг.

Ключ голоса проснулся сильнее. Он не был предметом, который можно положить на стол. Он жил в ней после Карасса, как рана, научившаяся говорить. Ария почувствовала: если она захочет, то сможет поднять голос над залом. Не только перекричать. Заставить замолчать.

Мысль пришла быстро и страшно буднично. Один толчок через Голоссеть — и все сядут. Люди перестанут спорить, охрана опустит оружие, делегации будут слушать. Можно удержать зал. Можно спасти переговоры.

Она подняла руку.

Дариус посмотрел на неё из другого конца зала. Это было не испуганно и не умоляюще. Так, как обещал в архивной комнате: сказать правду раньше, чем она станет удобной ложью.

Ария опустила ладонь на стол.

— Лира! — позвала она. — Мне нужен источник, не тишина.

Ли́ра работала. Её браслет проецировал три слоя: карасовые мёртвые каналы, омбрискую систему зала и схему Воруса. Линии путались, но одна шла не из общего канала. Она входила через белую мачту Ордена, проходила через аварийный усилитель и возвращалась в зал как чужие последние минуты.

— Это не прямой хор Карасса, — сказала Ли́ра. — Голоса собраны и склеены.

— Кто склеил? — спросил Рен.

— Сейчас выясню.

Снова прозвучал детский голос.

— Рен Лиран продал наши имена за место за столом.

Мирс Танн сделал шаг к Рену.

— Даже мёртвые это слышат.

— Мёртвые не говорят такими удобными фразами, — сказала Лейла.

Она подошла ближе к экрану, хотя Дариус жестом велел ей оставаться у стены.

— Лейла, назад.

— Через минуту. Если выживу, можете оформить выговор красивым шрифтом.

Она вывела свою запись на маленький экран. Ария увидела дорожки звука. Лейла увеличила один фрагмент и ткнула пальцем.

— Вот. Фраза про Рена. Она собрана из трёх разных голосов. Пауза неестественная. И слово «место за столом» взято из сегодняшнего заседания. Погибшие с Карасса не могли его произнести.

Мирс замер.

— Ты защищаешь его.

— Я защищаю запись от плохого монтажа. Не мешай моей личной неприязни к фальшивкам.

Новый голос задел зал сильнее остальных.

— Дариус Харран получит приказ и закроет Арию в белой комнате.

Ария почувствовала, как в зале меняется воздух. Теперь удар пришёл прямо в недавний страх. Приказ Сайры знали не все. Значит, атака брала свежие данные из закрытых контуров.

Сайра резко повернулась к Дариусу.

— Кто имел доступ?

— Достаточно людей, чтобы начать плохой вечер. — Но не достаточно, чтобы я поверил в случайность.

Ария посмотрела на Сайру. Та была зла, но не на разоблачение. На сам факт утечки. Для Люмира утечка приказа была личным оскорблением государства.

Голосеть снова поднялась внутри Арии. На этот раз ключ не предлагал власть. Он тянул её к чужой боли. К ребёнку у закрытого шлюза. К технику, который умирал у фильтра. К пилоту, который повторял дату, потому что боялся забыть своё имя. Если дать этому пройти через себя, она может найти настоящий слой. Но за ним придут все остальные голоса.

— Ария, не входи глубоко, — сказала Ли́ра.

— Я не буду заставлять их молчать.

— Я не об этом.

— Знаю.

Она закрыла глаза и позволила Голосу коснуться только края. Это были не команды и не контроль, а вопрос: где живое, а где сшитое?

Ответ пришёл не словами. Настоящие голоса были рваными и неровными, в них не было удобных обвинений. Они просили воду, звали детей, ругались на заевший шлюз, называли имена. Поддельные фразы лежали поверх них гладко, понятно, точно направленные в людей за столом.

Ария открыла глаза. В зале один люмирский офицер спорил с ардинцем, и оба стояли близко.

— Это монтаж.

Мирс позвал:

— Удобно! Когда голоса обвиняют Синен, это монтаж!

— Настоящие голоса не говорили о клятве, — ответила Ария. — Они не знали о сегодняшнем заседании. Их боль используют против нас.

— Вы хотите, чтобы мы поверили вам?

— Нет. Проверьте Лейлину запись. Проверьте слой Лиры. Проверьте через любого, кто не обязан мне верить.

Рен повернулся к своим.

— Никто не двигается, пока запись не проверена.

Мирс смотрел на него с такой злостью, что Ария слышала будущий разрыв между ними.

Дариус тем временем выводил охрану. Не всех, чтобы не создать видимость бегства. Он заменял вооружённых людей на медиков, техников и омбрисских распорядителей. Хороший ход. Если в зале меньше стволов, первый выстрел становится труднее. Не невозможнее, но труднее.

— Внешний контур держать, — сказал он в браслет. — Внутри только щиты и медики. Кто войдёт с оружием без моего слова, тот потом объяснит Сайре, почему решил помочь врагу.

— Почему мне? — спросила Сайра.

— Вас боятся больше.

— Наконец-то разумное распределение обязанностей.

Голоса усилились. Теперь они шли не по очереди, а слоями. На стенах проступали лица, плохие, зернистые, собранные из карассового шума. Женщина у люмирского стола закрыла уши. Вейранский аудитор рухнул на колени и повторял, что он не подписывал тот контракт. Один из людей Ордена начал читать белую формулу, но сбился, когда голос его матери назвал детское имя.

Ария держалась за край стола. Ей снова захотелось прекратить всё одним ударом. Выключить зал. Забрать у всех право говорить, пока опасность не пройдёт.

Это и есть старая ошибка, подумала она. Дом Синен наверняка тоже начинал с таких минут. Сначала надо было спасти порядок. Потом заставить тишину подождать. Потом все привыкали, что один голос решает, когда другим можно дышать.

Она выпрямилась.

— Лейла, выведи монтаж на общий экран.

— С радостью. Люблю публично унижать плохую подделку.

— Лира, гаси не голоса, а канал сшивки.

— Попробую. Но он идёт через белую мачту.

Эллион Вар резко поднялся.

— Мачта Ордена не могла быть использована без допуска.

Лира не отвела взгляда от схемы.

— Значит, либо допуск украли, либо мы опять очень удачно молчали рядом с проблемой.

Лейла вывела на экран три фразы. Каждая распалась на куски. Одна часть была из старого карассового лога, другая из сегодняшнего заседания, третья из открытого эфира Лейлы. Зал увидел не призрак, а работу ножниц.

Солар сказал:

— Пакетная сборка. Не вейранский стандарт.

Лейла не обернулась.

— Грубо для вас?

— Показательно.

— О, это признание профессиональной гордости.

Ария поймала край канала. Там, под голосами, был короткий ритм. Не слово, не имя, а рисунок доступа. Он был привязан к будущей клятве. Не к совершённом преступлению, а к тому, что ещё только должно было быть сказано.

— Лира, это не только атака, — сказала Ария.

— Вижу. Канал проверяет будущую связку.

— Какую?

Эллион ответил раньше Леры.

— Клятвенную.

В зале стихли даже те, кто не понимал смысл слова. Голоса в динамиках оборвались на середине фразы. Белая мачта дала длинный глухой звук, и все экраны погасли. Несколько секунд слышно было только дыхание людей и далёкую работу вентиляции.

Дариус первым нарушил тишину.

— Медики, проверить зал. Никто не выходит один. Все записи копировать в общий архив под смешанным доступом.

— Смешанным? — спросила Сайра.

— Да. Чтобы каждый мог подозревать каждого с равным комфортом.

Лейла села прямо на край стола.

— Я бы назвала это новым уровнем дипломатии.

Ария отпустила стол. Пальцы болели, но память осталась с ней. Сейчас она посмотрела на людей в зале. Никто не стал союзником. Никто не простил старое. Но первый выстрел не прозвучал, и это было больше, чем хотела атака.

Мирс Танн стоял рядом с ардинцами и смотрел не на экран, а на Рена. Солар быстро писал кому-то закрытое сообщение. Сайра говорила с Дариусом у входа. Эллион Вар подошёл к белой мачте и коснулся её ладонью, будто проверял рану.

— Теперь вы назовёте условие четвёртого ключа? — спросила Ария.

Эллион медленно повернулся.

— Нет. Теперь вы поймёте, почему Орден молчал.

— Это разные вещи.

— Для вас — да. Для клятвы — нет.

Лира встала рядом с Арией.

— Эллион, они имеют право знать.

— Они только что услышали, как мёртвых можно превратить в оружие. И всё равно каждый хотел поверить той части, которая обвиняла соседа. Это не нападение на переговоры.

Рен шагнул вперёд.

— Тогда что это было?

Белый хранитель посмотрел на погасшие экраны, на делегации, на Арию, которая ещё чувствовала в себе чужую боль и собственный испуг перед властью.

— Это предупреждение клятве, — сказал Эллион. — И следующее будет брать не голоса, а залог.

Глава 8. Союз невозможных

После голосетевой атаки зал переговоров не опустел, и это было победой. Люди сидели дальше друг от друга, чем до срыва, но никто не ушёл к кораблям. Медики вывели двух техников, омбрисские распорядители меняли перегоревшие панели, а на главном экране Ворус то появлялся, то пропадал, будто сам выбирал, кому позволить произнести своё имя.

Ария стояла у края стола и смотрела не на карту, а на лица. У Сайры Рут злость была собрана в идеальный приказ. Рен Лиран держал пластину со списком погибших миров, и пальцы у него не разжимались. Солар Иксон отвечал на закрытые сообщения так быстро, что это выглядело как нервный тик, только дорогой. Эллион Вар молчал рядом с белой мачтой Ордена. Лейла сидела на краю докового стола и чинила регистратор ножом для упаковок.

— Если это устройство взорвётся, — сказал Дариус, — я внесу его в список оружия.

— Оно журналистское, — ответила Лейла. — Значит, оружие только в плохие дни.

— Сегодня плохой день.

— Тогда не мешайте ему работать.

Ария дождалась, пока в зале стихнет последний спор у медицинского поста. После атаки каждый хотел говорить первым, чтобы чужая версия не стала официальной. Именно поэтому нельзя было давать им красивую речь.

— Союза сегодня не будет.

Фраза сработала лучше призыва к единству. Несколько человек даже подняли головы.

Сайра прищурилась.

— Вы созвали делегации ради признания поражения?

— Ради шага, который можно проверить. Союз требует доверия. Его здесь нет. Значит, начнём с порядка, где никто не получает права действовать один.

Рен посмотрел на неё внимательнее.

— Конкретнее.

Ария вывела на экран схему Воруса. Вокруг мира горели нестабильные маршруты. После вспышки Салатраковых Полей карта изменилась: пустое место стало центром, а все прежние маршруты выглядели как трещины вокруг него.

— Мы создаём смешанную миссию на Ворус. Не флаг, не амнистию и не общий мандат на спасение Дуги. Миссию для проверки разрыва, Салатраковых Полей и условий четвёртого ключа. У каждой силы будет доступ к данным, но не будет единоличного доступа к решению.

Солар медленно положил браслет на стол.

— Кто определит состав?

— Все вместе. Люмира даёт охрану маршрута, но не командует исследованием. Вейран даёт техников, но не получает закрытый контур расчётов. Орден даёт артексилловые данные, но не имеет права молчать после обнаружения угрозы. Ардин даёт пепельных проводников и свидетелей по реестру долга. Дом Синен даёт мальзаарский шифр, но только в общем контуре.

— Очень щедро, — сказал Мирс Танн. — Вы раздаёте всем по куску поводка и называете это свободой.

— Нет, — ответила Ария. — Я надеваю такой же поводок на себя.

В зале стало тише. Если Ария сама ограничивала доступ, её сложнее было представить будущей хозяйкой Корселуна. Сложнее, но не невозможно. Ария это знала.

Сайра подняла ладонь.

— Люмира не отправит флот в нестабильную зону без военного контроля.

— Флотский контур маршрута будет у вас, — сказал Дариус. — Но решение о входе в зону Полей принимает общий совет миссии.

Сайра повернулась к нему.

— Вы говорите от имени миссии, которой нет?

— Я говорю как человек, который не хочет потом доставать ваши корабли из чужого болота.

— На Ворусе нет болот, — заметила Лира.

— Значит, из чего-то местного и ещё хуже.

Лейла подняла палец.

— Прошу занести в протокол: военная наука признала существование категории «местное и ещё хуже».

Несколько человек усмехнулись. Ария поймала этот короткий сбой напряжения и продолжила.

— Люмира получит право остановить переход, если маршрут угрожает кораблям. Но не получит права закрыть данные для остальных под протокол спокойствия.

Сайра молчала дольше, чем обычно.

— Это ударит по безопасности.

— Скрытые данные ударили по безопасности. Мы только что слышали, как закрытый приказ стал частью атаки.

Солар наклонился к экрану.

— Вейрану нужен технический допуск к резонаторным узлам, если они подтвердятся.

— К данным — да. К изъятию — нет.

— Никто не говорил об изъятии.

Лейла тихо кашлянула.

— Простите, у меня аллергия на фразы, которые потом оказываются контрактом.

Солар бросил на неё быстрый взгляд, но не стал спорить. Это было хуже спора. Ария видела: он знает больше, чем может сказать.

— Вейран получит место в технической группе, — сказала Ария. — Каждый прибор ставится при свидетеле другой стороны. Каждая модель уходит в общий архив. Любая попытка закрыть слой под коммерческую тайну останавливает доступ.

— Коммерческая тайна иногда защищает технологию от дикого применения, — сказал Солар.

— А иногда прячет будущий рейд.

Он встретил её взгляд. Усталость мелькнула на его лице и исчезла.

— Тогда пусть будет так: Вейран принимает общий архив. С оговоркой о безопасности расчётов, которые при неправильном чтении могут вызвать срыв.

— Оговорку проверит Лира, — сказала Ария.

Эллион Вар поднял глаза.

— Лира Вехн сейчас под вопросом дисциплинарного совета Ордена.

— Тем лучше, — сказала Лейла. — Значит, у неё есть опыт плохих вопросов.

Лира не улыбнулась, но уголок её рта дрогнул.

— Я проверю оговорки Вейрана, если Орден допустит меня к работе.

— Орден даст смотрителя, — сказал Эллион. — И оставит за собой право остановить обряд.

— Миссию, — поправила Ария. — Пока речь не об обряде.

— Речь всегда об обряде, когда четвёртый ключ начинает отвечать.

— Тогда назовите условия.

Эллион помолчал. Ария знала эту стену. Но после атаки молчание Ордена стало стоять дороже.

— Первое условие будет раскрыто только после прибытия на Ворус. — До этого Орден имеет право наложить белый запрет на любые действия, если увидит угрозу разрыва.

Рен резко поднял голову.

— То есть вы едете с нами, чтобы в нужный момент сказать «нельзя»?

— Иногда «нельзя» спасает больше людей, чем «быстрее».

— Иногда «нельзя» удобнее для тех, кто давно знает правду.

Лира посмотрела на Эллиона.

— Право остановки должно быть обоснованным и записанным в общий протокол. Не фразой «Орден видит опасность», а конкретным риском.

Эллион не ответил. Ария отметила: впервые Лира спорит с ним не как ученица, а как участник будущей миссии.

— Орден согласится на запись причины. — Но не на открытие всей формулы.

— Пока, — сказала Лира.

— Пока, — повторил Эллион, и в этом слове было больше угрозы, чем уступки.

Рен положил пластину со списком погибших миров на центр стола. Лейла быстро отключила фильтр со своего браслета.

— Реестр долга будет первым документом миссии, — сказал Рен. — Это было не приложением и не архивной справкой. Открытым списком миров и решений, которые привели к гибели людей. Каждый участник миссии признаёт этот список рабочим документом и обязуется не закрывать его после стабилизации.

Сайра сказала:

— Люмира не признаёт непроверенную вину.

— Я не прошу признать вину до суда. Я прошу признать, что суд не будет похоронен под словом «кризис».

Мирс Танн стоял позади Рена и смотрел на него жёстко. Рен сегодня ходил по краю: если он уступит много, Мирс назовёт это предательством; если продавит только суд, миссия развалится.

— Дом Синен подпишет, — сказала Ария. — И добавит к реестру синенские дела, которые открыты после Мальзаара.

Слова дались ей трудно. Не потому, что она хотела скрыть вину Дома. Но если она просит других открыть архивы, её Дом не может приходить с чистыми руками.

Рен чуть кивнул.

— Ардин примет это.

Сайра посмотрела на Дариуса, потом на экран с красными маршрутами.

— Люмира подпишет рабочий реестр без признания юридической ответственности до проверки.

— Запишем, — сказал Рен.

— Не радуйтесь так, — добавила Сайра. — Наши юристы сделают этот документ толще грузового шлюза.

Лейла оживилась.

— Главное, чтобы он открывался. У меня есть опыт с люмирскими файлами. Иногда проще уговорить стену.

— Стена, не пишет комментарии в прессе, — сказала Сайра.

Солар спокойно добавил:

— Вейран подпишет реестр в части проверяемых событий. И потребует внести туда случаи кустарного применения резонаторов Ардином.

Рен не отвёл взгляда.

— Внесём. Если внесёте вейранские контракты на фильтры Карасса.

— Внесём то, что подтверждено.

— Тогда начнём с подтверждений.

Это не было согласием, но было похоже на работу.

Тогда двери нижнего шлюза открылись без объявления. Охрана Люмира шагнула навстречу, ардинцы тоже сдвинулись. В зал вошёл высокий мужчина в тёмном клановом плаще. Каждый стежок отмечал путь, который его люди знали телом, а не картой.

За ним шли двое проводников. Ария не знала мужчину лично, однако имя пришло. Сабаинар. Тот самый, кого закрытый вейранский план называл главным препятствием.

Он остановился не у стола, а перед экраном с Ворусом. Посмотрел на бледную метку, потом на Арии.

— Вы долго решаете, кому принадлежит дорога к чужому дому.

Голос у него был низкий, спокойный и без просьбы о месте. Он говорил так, словно зал нарушил границу, ещё не понял.

Сайра первой вернулась к протоколу.

— Сабаинар, представитель свободных кланов Воруса?

— Представитель — слово для тех, кто ездит говорить вместо земли. Я говорю за людей, которые не хотят, чтобы их Поля стали вашим способом не умереть вовремя.

Солар незаметно напрягся. Лира смотрела на Сабаинара так, будто видела не человека, а недостающий знак в старой формуле.

Ария сделала шаг от стола.

— Мы не имеем права идти на Ворус без согласия кланов.

— Согласие не продаётся за фразы. Синен приходил с фразами. Люмира приходила с защитой. Вейран приходил с договорами, где мелкие строки были опаснее оружия. Ардин приходил за маршрутами и называл это братством окраин. Орден приходил молчать и ставил белые метки там, где наши дети потом боялись петь.

В зале никто не перебил его. Даже Лейла опустила регистратор ниже.

— Салатраковые Поля не тронут, — сказал Сабаинар. — Не вывезут, не сожгут, не закроют в расчёт и не назовут естественным ущербом. Если миссия идёт к Ворусу, это первое условие кланов.

— Если Поля окажутся источником разрыва? — спросила Сайра.

— Тогда вы сначала докажете это нам. Не себе.

— Если разрыв угрожает всей Дуге, времени может не быть.

— У больших сил всегда нет времени, когда надо спросить маленьких людей.

Вот почему ключ клятвы не мог открыться договором элит. Каждый в этом зале хотел спасти миры, но каждый заранее видел, чьё согласие можно сократить ради скорости.

— Ваше условие войдёт в протокол, — сказала Ария. — Поля не трогают без согласия кланов и общего подтверждения миссии.

Сабаинар посмотрел на неё с недоверием, в котором не было личной злобы. Только опыт.

— А если общий совет решит, что кланы мешают спасению?

Ария ответила не сразу. Простой ответ «не решит» был бы ложью. Она знала этот зал.

— Тогда я не дам мальзаарский шифр для такого решения. — И не позволю использовать своё имя как доступ.

Сайра резко повернулась к ней.

— Вы не можете заранее заблокировать военную меру.

— Могу заблокировать свой доступ.

— Это шантаж.

— Нет. Это граница.

Рен усмехнулся одобрительно.

— Наконец-то хорошее синенское слово. Редкий зверь.

Лейла тут же подняла регистратор.

— Записала: Ардин признал существование хорошего синенского слова. День войдёт в историю.

— Не увлекайся, — сказал Рен.

— Поздно. История пошла.

Напряжение снова чуть сдвинулось. Не исчезло, но перестало давить на горло.

Дальше началась работа. Люмира требовала командование внешним маршрутом. Ардин требовал свидетелей у каждого флотского решения. Вейран пытался оставить формулировку «технический приоритет», пока Лейла не предложила перевести её как «мы первые у кнопки». Орден настаивал на праве остановки. Сабаинар каждый раз возвращал всех к простому вопросу: что будет с Полями и людьми Воруса, если спасение окажется удобным только для гостей.

Ария едва говорила. Она слушала и записывала не слова, а границы. Где Солар прикрывает Вейран, но иногда режет собственным людям путь к худшему. Где Лира боится Ордена больше, чем показывает. Где Сабаинар не верит никому и имеет на это полное право.

Дариус подошёл к ней во время короткой паузы.

— Ты понимаешь, что создаёшь миссию, где каждый участник сможет остановить остальных?

— Да.

— Это кошмар управления.

— Зато не империя.

Он посмотрел на неё внимательно.

— Это был ответ Арии или Синена?

— Надеюсь, мой.

— Тогда запишем в рабочие успехи дня. Их немного, надо беречь.

Она устало улыбнулась.

— Как контур?

— Плохой. Но не стреляет сам в себя. Для Омбриса это праздник.

Смешанная миссия на Ворус создавалась под наблюдением всех сторон. Ни одна сила не получала единоличный доступ к Полям, резонаторам, мальзаарскому шифру или артексильным данным. Реестр долга становился первым открытым документом миссии. Орден получал право остановки только с записью причины. Клан Воруса получали право вето на действия против Салатраковых Полей, пока не доказана прямая угроза всей Дуге.

— Это не союз, — сказала Сайра.

— Нет, — ответила Ария. — Это способ не предать друг друга в первые сутки.

— Очень вдохновляюще, — заметила Лейла. — Прямо хочется вышить на флаге: «Мы пока не предали друг друга». Продающий лозунг.

Солар поставил подпись первым от Вейрана. Сайра подписала от Люмира после длинной паузы. Рен добавил знак Ардина и приложил к нему список долга. Сабаинар не использовал общую печать. Он достал костяной жетон с тёмной прожилкой и положил его на край стола. Сканер Омбриса сначала не понял предмет, потом вывел: «родовой знак принят».

Все посмотрели на Арию.

Она могла поставить знак Синен. Это было бы проще. Система ждала именно его. Ария открыла личный ключ и подписала только именем: Ария.

Документ принял подпись не сразу. На экране мигнуло: «уточнить статус». Она усмехнулась.

— Статус: участник миссии.

Дариус рядом тихо добавил:

— И человек с контейнером. Проверенная категория.

На этот раз Ария не удержала улыбку.

Система подумала и приняла подпись.

Едва последняя строка закрепилась в архиве, экран с Ворусом вспыхнул. Лира вскочила первой. Эллион Вар побледнел.

На карте поверхность Воруса проявилась через слой облаков. Там, где должны были лежать Салатраковые Поля, появилось движение. Огромная сеть светилась, расходилась кольцами, набирала новые линии и вытягивалась к центру.

— Это рост? — спросила Сайра.

Лира ответила не сразу. Она смотрела на линии, и рука у неё дрожала.

— Да. Быстрый. Невозможный для обычного цикла.

Солар выводил расчёты.

— Если масштаб верный, Поля расширились на восемь процентов за последние часы.

— Девять, — сказал Сабаинар. — Ваши приборы не видят нижний слой.

На экране линии Салатраковых Полей сомкнулись в знак. Тот же изгиб был в мальзаарском шифре. Та же недостающая дуга проступала в схемах четвёртого доступа.

Белая мачта Ордена тихо зазвенела.

Сабаинар медленно положил ладонь на родовой жетон. Это его дом отвечает чужому документу.

Лира прошептала:

— Знак четвёртого ключа.

Ария смотрела на Ворус и понимала, что миссия началась. Не потому, что они подписали протокол. Потому что Поля приняли подписи всерьёз.

Часть II. Цена доверия

Глава 9. Условие, о котором молчали

Ли́ра Вехн принесла древний фрагмент в зал без контейнера. После вспышки Воруса прятать его в защитный короб не имело смысла. Фрагмент сам отвечал на движение Салатраковых Полей, а короб только мешал видеть, как старое стекло светится изнутри.

Зал переговоров переделали снова. Доковые столы сдвинули в круг, потому что после голоссетевой атаки никто не хотел сидеть спиной к чужой делегации. Оружие оставалось у внешних шлюзов, но Ли́ра видела: люди всё равно держали себя так, будто оружие рядом. Люми́рские офицеры считали двери. Ардинцы смотрели на руки. Вейранцы настраивали личные фильтры. Орден молчал у белой мачты, и это молчание раздражало даже своих.

Ария стояла у главного экрана. Рядом с ней был Дариус. Он не вмешивался, но каждый раз, когда кто-то подходил к столу быстро, его плечи менялись на долю секунды. Лейла сидела у стены и проверяла регистратор после вчерашней атаки. На корпусе устройства осталась тёмная полоса.

— Он пережил Голоссеть, — сказала она Лире. — Теперь считает себя ветераном.

— У приборов быстро растёт самомнение, если их не выключать, — ответила Ли́ра.

— Я бы выключила половину людей в этом зале. Но вы, учёные, почему-то называете это нарушением этики.

Ли́ра улыбнулась, но фрагмент в её ладони нагрелся. Шутки закончились.

Эллион Вар подошёл к столу позже всех. Он не смотрел на Ли́ру. После её нарушения запрета это было ожидаемо.

— Начинайте, — сказала Ария. — Вчера вы назвали атаку предупреждением клятве. Сегодня нам нужны условия.

Эллион положил ладонь на белую мачту.

— Условия нельзя назвать как техническую инструкцию.

— Тогда назовите их как опасность, — сказал Рен. — Это здесь понимают лучше.

Ли́ра поставила фрагмент на стол. Стекло было тёмным, с молочным пятном внутри. На первый взгляд — осколок старой плиты. Но когда Ария приблизилась, пятно вытянулось в строку.

Слова проявились не сразу. Сначала древние знаки пошли кругом, потом мальзаарский шифр Арии ответил слабым светом, и строка стала читаемой.

Ли́ра произнесла вслух:

— Клятва считается живой, пока её цена не переложена на невиновного.

В зале повисла тишина. Не торжественная. Практическая. Люди считали, к кому может относиться слово «цена».

Солар первым нарушил паузу:

— Красиво и бесполезно. Что это значит в рабочем смысле?

— В рабочем смысле, — сказала Ли́ра, — четвёртый ключ не откроется договором элит. Подпись на документе ничего не даст, если настоящая цена ляжет на тех, кто не выбирал.

Сайра нахмурилась.

— Любое решение во время кризиса ложится на тех, кто не выбирал. Поэтому существуют мандаты и командование.

— Командование может вести корабль, — ответил Эллион. — Клятву оно заменить не может.

Ария посмотрела на фрагмент.

— Кто должен платить цену?

— Те, кто представляет реальные силы, — сказал Эллион. — Не символически и не через печать. Лично.

Мирс Танн резко рассмеялся.

— Отлично. Значит, большие люди наконец-то вспомнят, что боль можно не делегировать.

— Не радуйтесь, — сказала Лира. — Клятва не различает красивую месть и честную жертву. Если человек входит в неё с желанием наказать соседа, разрыв усилится.

Рен бросил на Мирса короткий взгляд. Тот отвернулся.

Дариус спросил:

— Конкретнее. Что может быть ценой?

Лира открыла второй слой фрагмента. Над столом появились пять пустых кругов. В каждом вспыхивал слабый знак: память, доступ, власть, голос, право.

— Цена разная для каждого носителя, — сказала Лира. — Память. Право командовать. Доступ к технологии. Личный статус. Возможность говорить от имени своих. В тяжёлых случаях — жизнь.

Лейла перестала записывать пальцами заметки и подняла глаза.

— Вот теперь можно сказать, что утро удалось.

Солар холодно посмотрел на неё.

— Вы шутите над возможной смертью?

— Нет. Над тем, что Орден только сейчас решил сказать вслух слово «смерть». Разница важная.

Ария не отвела взгляда от Эллиона.

— Вы знали все последствия?

— Мы знали диапазон.

— Назовите его полностью.

— Сейчас не время.

Ария шагнула ближе к столу.

— После закрытия Ведарского рукава, голоссетевой атаки и вспышки Воруза вы ещё хотите выбирать время?

Эллион молчал. Лира увидела, как его пальцы легли на мачту сильнее. Он не боялся Арии. Он боялся слов. Или того, что они сделают с людьми в зале.

— Назовите, — сказала Лира.

Он наконец посмотрел на неё.

— Вы достаточно нарушили.

— Нет. Я только начала исправлять.

Белая мачта тихо звякнула. Эллион убрал ладонь.

— Возможны провалы памяти, утрата доступа к ключам, срыв резонанса, временная эфирная слепота, потеря голоса в Голоссети, разрыв связей с фракцией, физическое истощение и смерть. Если клятву попытаются заменить приказом, долг перейдёт на ближайших невиновных, связанных с решением.

Сайра медленно села.

— На экипажи?

— На экипажи. На беженцев. На детей навигаторов. На тех, кто оказался в контуре из-за чужой воли.

Рен сжал пластину со списком погибших миров.

— То есть старые войны были такими ложными клятвами?

— Не все, — сказал Эллион. — Но многие решения оставили долг в Артексиле. Сейчас система пытается собрать путь к Порогу и натывается на эти долги.

Солар вывел на браслете расчёт и тут же закрыл.

— С точки зрения модели это неустойчиво. Добровольная цена не масштабируется.

— Клятва не создавалась для рынка, — сказала Лира.

— А для чего? Для красивой гибели нескольких представителей? Если от них зависит Дуга, их нельзя отдавать в неизвестный механизм без расчёта.

— Поэтому вам дают условия.

— Условия без вероятностей — это вера.

— Вероятности без согласия — это Вейран.

Лейла сказала:

— Записываю, но обещаю не продавать как наклейку. Хотя хочется.

Солар не ответил. Страх. Он боялся не потерять прибыль. Он боялся системы, которую нельзя запереть в контракт.

Сайра подняла взгляд на Арию.

— Люмира не может позволить, чтобы ключ забрал право командования у военного представителя во время распада маршрутов.

— Тогда Люмира должна решить, кто войдёт в клятву, — сказала Ария. — И какую власть этот человек готов рискнуть потерять.

— Вы говорите так, будто это обычная ставка.

— Нет. Я говорю так, потому что иначе за нас заплатят те, кто не сидит в этом зале.

Рен медленно кивнул.

— Ардин не отдаст право на месть под видом долга.

— Клятва не просит отдать справедливость, — сказала Лира. — Она требует, чтобы месть не управляла решением.

— Это одно и то же для тех, кто просит нас снова подождать.

— Я знаю.

Рен посмотрел на неё с недоверием.

— Нет. Вы не знаете.

Лира приняла удар. Он был справедлив. Она не стояла в ардинских подвалах и не хоронила детей после блокад. Она знала схемы, тексты, памятные откаты.

— Не знаю. — Но если ваша боль станет единственным правом решать, клятва сочтёт это властью. Не свободой.

Рен не ответил. Мирс хотел вмешаться, но Рен остановил его одним движением.

Сабаинар стоял у края стола и всё это время молчал. Его родовой жетон лежал перед ним. Лира видела такие реакции в старых листах Ордена, но никогда живьём. Родовая клятва Воруса откликалась на условия четвёртого ключа.

— Клань не войдут в клятву за тех, кто пришёл брать Поля, — сказал Сабаинар.

— Никто не просит вас платить за всех, — ответила Сайра.

Он посмотрел на неё спокойно.

— Большие силы редко просят. Они создают положение, где маленьким некуда отойти.

Сайра хотела возразить, но Ария подняла руку.

— Сабаинар прав. Клятва не должна стать способом переложить долг на Ворус.

Эллион чуть повернул голову.

— Именно поэтому присутствие кланов необходимо.

— Нет, — сказал Сабаинар. — Не путайте необходимость с правом.

Слова на фрагменте исчезли. Вместо них появились пять пустых строк. Система ждала имена носителей, хотя никто ещё не соглашался.

Ария спросила:

— Сколько участников нужно?

— Не число важно, — ответил Эллион. — Должны быть представлены силы, между которыми разорван долг. Дом Синен. Люмира. Ардин. Вейран. Орден. Ворус.

— Шесть, — сказала Лейла. — У нас книга называется «Пять ключей», а клятва требует шесть сторон. Люблю древние системы. Они тоже не умеют считать, когда волнуются.

Дариус на мгновение усмехнулся, но вернулся к карте.

— Вопрос: кто выбирает носителей?

— Носители выбирают себя, — сказал Эллион. — Если их назначат, клятва станет приказом и сорвётся.

Сайра резко ответила:

— Военная структура не может строиться на самовыдвижении.

— Тогда военная структура не откроет ключ.

Это сказал не Эллион. Это сказала Ария.

Сайра посмотрела на неё очень внимательно.

— Вы решили войти?

— Нет.

Лира удивилась этому ответу. В зале тоже ждали другого. Ария не стала пользоваться ожиданием.

— Я не имею права решить до того, как узнаю свою цену. — И до того, как каждая сторона поймёт, чем рискует. Если я войду первой, остальные снова будут спорить не о клятве, а о Синене.

Рен сказал:

— Разумно.

Мирс усмехнулся:

— Или удобно.

— И то и другое бывает одновременно, — ответила Лейла. — Это называется политика. Очень неприятная штука.

Солар поднял руку.

— Вейран потребует предварительный расчёт цены. Без него ни один ответственный представитель не должен входить в клятву.

— Предварительный расчёт возможен, — сказала Лира. — Но он покажет не точную потерю, а область риска.

— Насколько широкую?

— Достаточно, чтобы ваш юрист заплакал.

— У нас юристы не плачут. Они выставляют дополнительный счёт.

— Тем хуже.

Ария повернулась к Лире.

— Что нужно для расчёта?

— Нужна не кровь и не печать, а личный залог: то, что человек считает своим правом говорить или действовать от имени силы.

— Поясните.

Лира вывела схему. Пять кругов стали яснее, шестой появился сам и мигнул знаком Воруса.

— Для Люмира это может быть право командования. Для Ардина — право говорить от имени погибших. Для Вейрана — доступ к модели и собственности. Для Ордена — право хранить запрет. Для Синена — право доступа к Порогу. Для Воруса — родовая связь с Полями.

Сабаинар сказал:

— Род не образец.

— Я понимаю.

— Нет. Если бы понимали, не сказали бы так.

Ли́ра остано́вилась. Он был прав. Она снова превратила живое в термин. Старый орденский навык, только без белой мантии.

— Простите. — Нужен не образец. Нужна добровольная отметка того, чем человек не позволит распоряжаться без себя.

Сабаинар смотрел на неё ещё несколько секунд, потом кивнул.

— Так лучше.

Ли́ра почувствовала стыд и облегчение одновременно. Вот чему Орден разучился: поправляться не в тайном архиве, а перед теми, кого его слова могли задеть.

Эллион продолжил:

— После отметок живой расчёт покажет возможные цены. До этого никто не должен касаться четвёртого ключа.

— А где он? — спросил Рен.

Вопрос, которого все избегали, наконец прозвучал. Эллион не ответил.

Ли́ра посмотрела на фрагмент. Пустые строки ещё светились. Она знала, что Орден не держит ключ в коробке. Ключ клятвы не был предметом.

— Четвёртый ключ ещё не открыт. — Но его рисунок ответил в Полях.

— Значит, на Ворусе, — сказал Солар.

— Значит, через Ворус, — поправил Сабаинар.

Солар чуть склонил голову.

— Важное различие.

— Для тех, кто не хочет украсть дом, да.

Сайра вмешалась:

— До перехода к Ворусу Люмира требует гарантий, что клятва не приведёт к потере командования маршрутом в критический момент.

— Гарантий нет, — сказал Эллион.

— Тогда это не план.

Ария ответила вместо него:

— Это риск, который нельзя заменить приказом. Но можно ограничить: маршрут ведёт Дариус до границы Воруса. Решение о клятве принимается только после живого расчёта и согласия носителей.

Дариус посмотрел на неё.

— Ты сейчас назначила меня проблемой, которую все будут терпеть?

— Я назначила тебя человеком, которому не верю без проверки, но которому доверяю маршрут.

— Сложный комплимент. Приму, пока не понял, где ловушка.

Лейла негромко добавила:

— Ловушка в слове «доверяю». Оно в этом зале редкое, надо обращаться бережно.

Ли́ра наблюдала за ними и вдруг ясно поняла: Орден долго защищал равновесие от людей. В книгах, запретах, белых мачтах, закрытых формулах. Но равновесие не существовало отдельно от тех, кого должно было спасать.

Она повернулась к Эллиону.

— Все последствия нужно внести в открытый протокол миссии.

— Нет.

— Да.

Его взгляд стал тяжёлым.

— Вы не понимаете, что делаете.

— Понимаю. Если мы не запишем цену, каждая фракция потом сделает вид, что не знала. Люмира назовёт потерю командования побочным ущербом. Вейран — неучтённым риском.

Ардин — предательством. Орден — неизбежной мерой. Синен — долгом крови. И снова заплачет тот, кто не выбирал.

Эллион молчал. На этот раз молчание не давило. Оно отступало.

Ария поддержала её:

— Открытый протокол. Не все формулы, если они опасны. Но все возможные последствия.

Рен сказал:

— Ардин подпишет только так.

Солар добавил:

— Вейрану это тоже нужно. Скрытый риск не страшется.

Лейла подняла брови.

— Какая поэзия. Даже правда стала страховым случаем.

Сайра посмотрела на Дариуса, потом на карту Воруса.

— Люмира согласится на протокол последствий при закрытии тактических деталей маршрута.

Сабаинар сказал:

— Клань потребуют отдельную запись: Поля не являются залогом без их согласия.

— Будет, — сказала Ария.

Эллион медленно кивнул.

— Тогда Орден назовёт первое условие полностью. Клятва Артексила требует добровольного носителя от каждой силы. Носитель не может быть назначен приказом, куплен контрактом, вынужден угрозой или заменён невиновным. Цена должна быть личной, осознанной и принятой до входа в живой расчёт. Нарушение этого условия превращает клятву в разрыв.

Фрагмент на столе вспыхнул. Пять пустых строк дрогнули. Шестая, ворусская, стала ярче остальных.

Лири подумала, что сейчас система попросит отметки. Но произошло другое. Над строками сам собой появился первый знак. Он был не синенский, не люмирский и не белый.

Сабаинар.

В зале никто не произнёс его вслух. Даже Лейла опустила регистратор. Сабаинар смотрел на фрагмент без удивления.

Ария сказала:

— Вы не давали согласия.

— Нет, — ответил Сабаинар. — Это не согласие. Это память моего рода показывает, где её однажды связали.

Лири почувствовала, как холод проходит по спине. Орден знал о многом, но не сказал главного: Ворус был частью старой клятвы.

Эллион Вар закрыл глаза, и Лири впервые увидела на его лице не запрет, а вину.

Фрагмент продолжал светиться, а имя Сабаинара оставалось в первой строке, будто четвёртый ключ выбрал место, с которого начнёт спрашивать.

Глава 10. Память как залог

Артексилловый расчёт начался с простой ошибки: Омбрис отказался принимать слово «залог». Система трижды предлагала заменить его на «имущественное обеспечение», потом на «временную гарантию», а в конце выдала фразу: «уточните стоимость личности».

Лейла посмотрела на экран и сказала:

— Вот поэтому я не люблю официальные интерфейсы. Они иногда случайно говорят правду.

Никто не засмеялся громко, но несколько человек выдохнули легче. После вчерашнего условия Ордена зал стал осторожнее. Даже Вейран говорил меньше. Даже Ардин не перебивал каждую фразу. В центре стола лежал древний фрагмент, где проявилось имя Сабаинара. Рядом Лира собрала живой расчёт: белая пластина Ордена, мальзаарская строка Арии, данные по Ведарскому рукаву и карта Воруca. Всё это выглядело хрупко для решения, от которого зависели маршруты Дуги.

Ария стояла у стола и не касалась фрагмента. Ей хотелось сделать именно это — положить ладонь на старое стекло, дать системе ответ, ускорить дело. После Ведара, голоссетевой атаки и вспышки Салатраковых Полей любое ожидание казалось трусостью.

Но теперь она знала: клятва не любит скорость, если за неё платят другие.

Лира проверила контур и подняла глаза.

— Живой расчёт не назовёт точную потерю. Он покажет область риска. Для каждого участника отдельно.

— То есть мы увидим не цену, а угрозу цены, — сказал Солар.

— Да.

— Великолепно. Вейран обычно требует больше точности, когда речь идёт о гибели капитала.

— Речь идёт не о капитале.

— Я заметил. Капитал хотя бы можно пересчитать.

Сабаинар стоял у края стола и молчал. Его родовой жетон оставался на фрагменте. Ария не знала, что тяжелее: когда человек спорит или когда понял больше остальных.

Сайра Рут потребовала начать с Люмира.

— Федеральная сторона должна понимать риск до подготовки маршрута.

Дариус ответил раньше Арии:

— Федеральная сторона может подождать. Сначала нужно понять, работает ли расчёт.

Сайра посмотрела на него холодно.

— Вы снова говорите как человек, а не как генерал.

— Сегодня это ещё разрешено. Я проверял.

Лира вмешалась, пока спор не стал отдельной повесткой.

— Начнём с нейтрального теста. Без фракционной отметки.

Она положила на пластину пустой омбрисский ключ, аварийный, без имени владельца. Фрагмент не ответил. Белый свет прошёл по краю и погас.

— Не принимает, — сказала Лира. — Клятва не читает пустой доступ.

— Хорошо, — сказала Лейла. — Древняя система умнее половины пресс-служб.

Ария сделала шаг вперёд.

— Тогда начнём со мной.

Дариус повернулся.

— Нет.

Она ждала этой реакции, но всё равно почувствовала, как внутри сжалось. Не от запрета. От того, что он понял её быстрее других.

— Если я не пройду расчёт, остальные будут спорить до ночи.

— Пусть спорят. Ночь переживёт.

— Кольца — нет.

— Ты не обязана быть первой дверью, в которую все ломаются.

Сайра не упустила момент.

— Люмира может дать военную гарантию вместо участия Арии. Федеральный мандат маршрута, открытый контур охраны, ответственность командования.

Фрагмент на столе вспыхнул и резко потемнел. По залу прошёл короткий гул, похожий на закрывающийся шлюз. У Арии заболели зубы.

Лира быстро убрала руки от пластины.

— Расчёт отклонил замену.

— Я ещё не закончила формулировку, — сказала Сайра.

— Ключ закончил за вас, — ответила Лира. — Приказ не заменяет выбор.

Сайра сжала губы, но промолчала. Для неё это было подвигом.

Ария подошла к столу. Дариус не остановил её, только встал рядом. Это было хуже возражения. Возражение можно было отбить, а его присутствие заставляло помнить, что цена не абстрактна.

— Что нужно? — спросила Ария.

Лира указала на пустой круг над фрагментом.

— Добровольная отметка. Не кровь и не титул. То, чем вы считаете своё право идти дальше.

Ария сказала: имя. Потом остановилась. Имя Синен давало доступ, но не объясняло, почему она продолжает путь. Имя Нивендры было глубже: украденный дом, детские надгробия, первая правда о себе. Голос Карасса был больше: чужие последние минуты, которые она не могла вернуть погибшим. Дариус был совсем другим залогом. Не ключ, не протокол, не доказательство.

— Ария? — тихо спросила Лира.

— Я не знаю, что выбрать.

Эта фраза прозвучала в зале открыто. Ария ждала, что Мирс усмехнётся, Сайра зафиксирует слабость, Солар превратит паузу в расчёт. Но никто не сказал ничего.

Сабаинар впервые за долгое время поднял глаза.

— Если не знаешь, не выбирай самое красивое. Выбирай то, без чего путь станет чужим.

Ария посмотрела на него. В этой фразе не было утешения. Только опыт.

Она сняла с шеи маленький знак Нивендры. Не парадный синенский символ, а простая пластина из тёмного металла, найденная в родовом хранилище после первого ключа. На ней не было герба. Только неровная линия мира, который перестал быть для неё легендой.

— Это не право крови. — Это память о том, что Дом Синен не должен снова стать хозяином.

Она положила знак на пустой круг.

Фрагмент ответил. Свет поднялся не вверх, а внутрь. На столе появился образ Нивендры: не дворец, не архив, а низкий ветер над детскими надгробиями. Ария увидела камни, которые видела когда-то. И вдруг не смогла прочесть первое имя.

Она знала, что оно было там. Знала место. Помнила, как стояла перед ним. Но буквы расплылись.

Ария отступила на полшага.

Дариус поймал её за локоть.

— Что?

— Имя на камне. Я не могу его прочесть.

Ли́ра быстро закрыла слой, но образ не исчез до конца. Нивендра осталась тенью на поверхности фрагмента.

— Это область риска. — Расчёт показывает возможную цену, ещё не берёт её.

— Возможную? — спросил Дариус.

— Да.

— Насколько возможную?

Ли́ра не ответила. А́рия знала: честный ответ будет неприятным.

— Достаточно, чтобы не относиться к этому как к символу.

На фрагменте проступила вторая картина. Карассовый канал. Рубка, где люди дышали через повреждённые фильтры. Голос женщины, которая просила передать имя ребёнка. А́рия помнила этот голос. Он жил в ней после второго ключа и возвращался ночами.

Голос прозвучал снова, но в середине фразы оборвался. Не из-за помех. Он исчез так, будто А́рия никогда его не слышала.

— Закрой, — сказал Дариус.

Ли́ра закрыла второй слой. Третий появился сам.

На этот раз не было мира и не было войны. Был простой коридор люми́рского корабля. Дариус стоял у переборки, молодой, уставший, с пятном машинной смазки на рукаве. Она вспомнила день, когда он впервые сказал ей не бояться собственного имени. Потом лицо смазлось. Не исчезло полностью. Но стало чужим на одно дыхание.

А́рия резко убрала знак со стола.

Свет погас. В зале наступила тишина, в которой даже Лейла не нашла шутки.

Дариус отпустил её локоть, но остался рядом.

— Это не расчёт. — Это попытка с интерфейсом.

Ли́ра побледнела.

— Это предупреждение.

— Разница есть только для тех, кто не смотрит.

А́рия сжала знак Нивендры в ладони. Металл был холодным. Хорошо. Холод значил, что он здесь, настоящий, не часть видения.

Сайра заговорила осторожнее, чем обычно:

— Если риск касается памяти о стратегически важных событиях, участие А́рии нужно ограничить.

— Не переводите меня в стратегически важные события, — сказала А́рия. Голос вышел спокойнее, чем она ожидала. — Я ещё не умерла и не стала архивом.

Лейла тихо добавила:

— Для архива у вас выразительное лицо. И много врагов, которые не подписали разрешение на хранение.

А́рия всё же улыбнулась. Коротко. На секунду.

Солар смотрел на фрагмент иначе, чем раньше. Без привычной гладкости.

— Клятва может забрать не информацию, а связь с ней.

— Да, — сказала Ли́ра. — Память как факт может остаться. Чувство, которое делает её вашей, может сорваться.

— Тогда это хуже утраты данных.

— Да.

Рен опустил взгляд на свой список погибших.

— Если Ардин войдёт в расчёт, он может забрать право говорить от имени мёртвых?

— Может.

Мирс сказал:

— Значит, Рен не войдёт.

Рен повернулся к нему.

— Ты решил за меня?

— Я решил за имена, которые ты собираешься поставить под их условия.

— Имя погибшего не становится твоим оружием только потому, что ты громче его носишь.

Мирс сделал шаг назад. Ария увидела, что этот разговор ещё вернётся и ударит сильнее. Эллион Вар положил ладонь на мачту.

— Теперь вы понимаете, почему Орден молчал.

Лира резко повернулась к нему.

— Нет. Теперь мы понимаем, почему нельзя было молчать.

Эллион посмотрел на неё долго, но не ответил. Он старел на глазах, хотя лицо едва менялось. Возможно, Орден впервые за много лет оказался не хранителем ответа, а человеком, которого спрашивают за цену ответа.

Ария взяла знак Нивендры и вышла из зала. Двери открылись перед ней быстро. Омбрис любил пропускать людей, когда не знал, как их задержать.

Дариус догнал её в боковом коридоре, без охраны. За стеклом внизу двигались беженцы с Ведарского рукава. Женщина с пустым аквариумом сидела у зарядной стойки. Мальчик с котелком спал на мешке, а рядом люмировский солдат пытался починить ремень его рюкзака и явно проигрывал застёжке.

— Хороший солдат, — сказала Ария. — Пал в бою с детским рюкзаком.

— Застёжки коварнее многих врагов. Они не признают приказов.

Она усмехнулась, но улыбка быстро ушла.

Дариус встал рядом, не касаясь её.

— Я не хочу, чтобы ты входила в клятву.

— Знаю.

— Это не приказ.

— Знаю.

— Я всё равно скажу. Если цена — память о Нивендре, Карассе или... обо мне, это много.

Ария смотрела вниз. Солдат наконец победил застёжку. Мальчик во сне обнял котелок, словно тот мог защитить от закрытых маршрутов.

— Я думала, что боюсь смерти. — Это было проще. Смерть хотя бы понятна. Есть человек, потом его нет. А здесь можно победить и остаться ходить, говорить, принимать решения. Только внутри не будет тех причин, ради которых я это делала.

Дариус молчал. Он умел молчать так, что это не было пустотой.

— Я боюсь забыть не лицо, — продолжила она. — Лицо можно записать. Голос можно сохранить. Нивендру можно нарисовать на карте. Я боюсь забыть, почему мне больно. Почему Карасс не стал отчётом. Почему твоё «не делай глупость» иногда важнее любого древнего шифра.

— Обычно я говорю мягче.

— Нет.

— Иногда.

— В редкие дни, когда ударился головой о дипломатию.

Он чуть улыбнулся, потом стал серьёзнее.

— Я могу идти вместо тебя.

— Нет.

— Не как приказ Люмира. Как мой выбор.

Она повернулась к нему.

— Ключ не примет тебя вместо меня.

— Почему?

— Потому что ты хочешь защитить меня от моей цены. Это тоже замена.

Он выдохнул и отвернулся к стеклу.

— Ненавижу древние системы, которые разбираются в мотивах лучше живых людей.

— Они разбираются не лучше. Не устают.

— Я устал.

Это прозвучало так, что Ария почувствовала вину. Он не жаловался. Дариус редко жаловался.

— Я тоже.

Некоторое время они смотрели вниз. На Омбрисе ещё продавали кислород, спорили о доступе, чинили двери, скрывали данные и одновременно пытались не дать Дуге развалиться. Жизнь не уважала большие решения. Она продолжала требовать ремней, койки, еды и рабочего шлюза.

— Если память сорвётся, — сказал Дариус, — мы не будем обещать невозможное.

— Что именно?

— Что всё останется прежним. Что любовь победит Артексил и прочую древнюю математику. Это красивые фразы, но я им не доверяю.

— А чему доверяешь?

— Действиям. Записям. Людям, которые напомним, если мы начнём врать себе. Я могу оставить тебе записи. Не красивые. Нормальные. Где мы спорили, ошибались, смеялись над омбрисским кофе и развелись с автоматом выдачи пропусков.

— Мы не были женаты с автоматом.

— Он очень настаивал на форме собственности.

Ария тихо рассмеялась. Смех вышел не радостный, но живой.

— А если я прочитаю и не почувствую?

— Тогда я не буду требовать, чтобы ты играла прежнюю себя.

Она закрыла глаза на секунду.

— Это звучит хуже обещания вечности.

— Зато честнее.

— Ты всегда выбираешь тяжёлую честность.

— Нет. Иногда я выбираю плохой кофе.

Она посмотрела на него. Хотелось взять его за руку, но рядом проходили омбрисские техники, а за ними шёл ардинский наблюдатель. Ничего личного в этой станции больше не было. Даже тишина заполнялась чужими протоколами.

Дариус всё же протянул руку. Не широко, не на показ. Положил ладонь рядом на перила. Ария накрыла её своей.

— Если я забуду, — сказала она, — не пытайся вернуть меня силой.

— Не буду.

— Если я начну говорить как человек, которому проще стать владелицей Корселуна, останови.

— Остановлю.

— Даже если я возненавижу тебя за это.

— Это записано в моих служебных рисках.

— Там есть такая графа?

— После встречи с тобой я добавил несколько.

Она снова улыбнулась. Потом убрала руку. Не потому, что хотела. Потому что пора было возвращаться.

Когда они вошли в зал, живой расчёт изменился. Лира стояла над фрагментом и не двигалась. Сабаинар держал родовой жетон обеими руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.